

Круглый стол в ПДВ

К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике

3 октября 2018 г. редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» провела «круглый стол», приуроченный к 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике.

В обсуждении и дискуссии приняли участие: В.Я. Портяков, д.э.н., главный редактор ПДВ; А.В. Афоняева, к.э.н., ученый секретарь Института Дальнего Востока РАН; О.Н. Борох, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Виноградов, д.полит.н., руководитель Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН; Л.Д. Бони, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; Е.С. Баженова, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН; Е.И. Кранина, к.э.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН; Л.И. Кондрашова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Ломанов, д.и.н., профессор РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН; В.М. Мазырин, д.э.н., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН; Л.В. Новоселова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; А.В. Островский, д.э.н., руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; Э.П. Пивоварова, д.э.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН; С.С. Цыплаков, к.э.н., представитель Сбербанка в КНР; В.В. Чуванкова, к.э.н. ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Ниже приводятся выступления участников круглого стола.

DOI:10.31857/S013128120002800-1

В.Я. Портяков:

«Круглый стол» журнала, посвященный 40-летию начала экономической реформы в Китайской Народной Республике, мы проводим в очно-заочной форме. То есть некоторые коллеги, которые не могут участвовать в дискуссии «вживую», представили свои тексты.

У нас нет задачи осветить весь ход преобразований в пореформенном Китае — ни хронологически, ни структурно. Это достаточно детально сделано в многочисленных публикациях, в том числе сотрудников Института. Скорее, **призываю всех поделиться своими размышлениями о том, что оказалось наиболее интересным, ценным, результативным в широкой палитре проведенных в Китае преобразований, а что, может быть, не получилось или получилось не так, как изначально задумывалось. Наконец, каждый участник вправе осветить те моменты, аспекты, эпизоды реформ, которые лично ему представляются особенно памятными, интересными.**

Теперь по существу вопроса. Во-первых, я считаю сорокалетнюю историю экономической реформы в КНР историей успеха — при любых возможных оговорках. Во многом благодаря реформе Китаю удалось войти в число ведущих государств мира

и в экономике, и в мировой политике. Радикально вырос уровень жизни большинства населения страны.

Во-вторых, целый ряд преобразований еще не завершен или только разворачивается. Это касается землепользования, охраны прав интеллектуальной собственности, многочисленных реформ в социальной сфере.

В-третьих, в китайских реформах много неожиданного и даже парадоксального. Известно, что в КНР любят подчеркивать рыночный характер реформ, частенько превознося роль рынка и несколько пренебрежительно поминают «окостенелое плановое хозяйство». Однако в реальной жизни в стране не только сохранили, но и стал более дифференцированным и качественным инструмент средне- и долгосрочного планирования, применяемый как в народном хозяйстве в целом, так и во многих конкретных отраслях и сферах экономической жизни.

В-четвертых, принципиально важным, как показала практика преобразований, стала для КНР степень посильности бремени для населения. Здесь решающую роль играют не сами по себе темпы и масштабы преобразований, а готовность или неготовность граждан нести тяготы, нередко сопровождающие многие конкретные решения и действия в сфере реформ. Так, одним из ключевых эпизодов в истории китайских реформ стала попытка начать в мае 1988 г. реформу цен, может быть, уместная с точки зрения логики реформенного процесса, но не учитывавшая опасения дальнейшего роста цен у населения, уже подогретые высокой инфляцией предыдущего 1987 года. О важности этого момента, «засеявшего» в народной памяти, свидетельствует недавнее напоминание на сайте газеты «Жэньминь жибао» о позиции Чэнь Юня, выступившего против предложенного плана быстрой реформы цен и заработной платы. Предостережениям Чэнь Юня не вняли, и сразу же после обнародования проекта реформы цен в стране начались массовая скупка товаров и изъятие населением своих вкладов из банков. В итоге не только не получилось «успешного прорыва» в сфере цен, но был нанесен ущерб всему процессу реформы, возник и ряд социальных проблем («Бэйцзин жибао», 10.09.2018). Развязкой растущего напряжения в обществе стали известные тяньаньмэньские события мая—июня 1989 г., имевшие не только политические, но и глубокие экономические причины. Напротив, когда в 1991 г. китайское руководство пошло на крупномасштабное волевое выправление перекоса в ценах ряда важных видов продукции, протестов населения не последовало — сказался «посттяньаньмэньский синдром». Напомню, что с 1 мая 1991 г. цены на нормируемое зерно были повышены на 67%, на основные виды растительного масла — на 169%. Были также существенно повышены отпускные цены на нефть и нефтепродукты, уголь, чугун и сталь.

Что касается факторов, причин успеха экономической реформы в Китае, то я бы выделил в первую очередь оказавшееся весьма эффективным сочетание многочисленных экспериментов в различных сферах с интенсивным, раскрепощенным теоретическим поиском. Ведь до июня 1981 г., когда было принято «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР», в стране было позволено говорить достаточно прямо почти обо всем, выдвигать почти любые предложения, направленные на улучшение управления экономикой и развитие производительных сил. Памятна в этом отношении статья Ху Цяому «Действуя в соответствии с объективными законами, ускорить осуществление четырех модернизаций», опубликованная 6 октября 1978 г. — во вторую годовщину отстранения от власти пресловутой «четверки» во главе с Цзян Цин. Как гром среди ясного неба прозвучал в начале 1979 г. призыв Дун Фужэна отказаться от навязанной деревне системы народных коммун — всего через четыре года она сойдет с исторической арены. Последовательная критика левачества в начальный период реформ проторила дорогу развитию в Китае индивидуального, а затем и частного сектора экономики.

Обязательно должна быть упомянута «двухколейная» система цен, сделавшая возможным быстрый рост внепланового сегмента народного хозяйства и обеспечившая конечный успех перехода экономики Китая на рыночные рельсы функционирования.

В числе наиболее важных вех процесса преобразований в Китае я бы назвал «Решение относительно реформы хозяйственной системы» (1984), давшее старт реформе планирования, расширению сфер действия договорных и свободных рыночных цен. Начальное преодоление дефицита, насыщение рынка ходовыми потребительскими товарами пришлось именно на это время.

Чрезвычайно важный период — 1992–1994 г. Сначала знаменитая поездка Дэн Сяопина на юг, подтолкнувшая Китай к ускорению рыночных преобразований. В 1993 г. — принятие официального партийного решения о повороте страны к рыночным реформам. А с начала 1994 г. — старт реформ в налоговой и банковской сферах, разворот к акционированию предприятий и к плюрализации форм собственности.

В целом, мне кажется, что при всей своей специфике в виде руководства компартии, которое Си Цзиньпин стремится вновь сделать тотальным, реформа в Китае, в полном соответствии с видением Фридриха Хайека, явилась в конечном счете производным от той свободы, которую периодически получали на разных этапах преобразований экономические агенты и простые граждане страны. Важно подчеркнуть, что эта свобода могла дать и давала экономический эффект только при наличии рынка сбыта для дополнительно производимой продукции. На первых этапах такой рынок обеспечивался самой по себе «экономикой дефицита», затем — появлением миллионов новых потребителей в самом Китае в лице сельских мигрантов и горожан с возросшими доходами. Далее все большую роль стали играть внешний рынок сбыта и обновляющаяся линейка потребительских товаров в самом Китае. Все это радикально отличается от реформы в России, породившей тотальное неоднократное сужение рынка сбыта товаров и услуг и споткнувшейся об этот барьер.

А.В. Виноградов:

Заявление Си Цзиньпина на XIX съезде КПК о предстоящем завершении модернизации в середине XXI века не меньше, чем 40-летний юбилей, побуждают вернуться к анализу китайских реформ, но уже не в хронологическом аспекте (причины, факторы, направления, этапы), а в историческом масштабе, чтобы попытаться определить их место и роль в истории.

Реформы вернули Китай в эпицентр мировой политики и геополитики. Китай стал второй державой мира, и только новая, стремящаяся к полицентричному, конфигурация мирового порядка удерживает от прямых аналогий его со сверхдержавой. Мечта Си Цзиньпина о великом возрождении была продиктована не только общими для всех китайских политиков XX века устремлениями, но и практическими успехами. Благодаря им Си Цзиньпин открыл формулу возрождения: Китай поднялся (в результате революции 1949 г. Мао Цзэдуна), обогатился (в результате реформ Дэн Сяопина) и переходит к усилению (в результате новой политики Си Цзиньпина).

Вслед за новым местом Китая шансы на широкое признание получила и его модель общественного развития. Но, главное, китайские реформы вернули Восток в мировую историю в качестве полноценного субъекта, указав на возможные перспективы Индии и других развивающихся стран. Восприняв экономическую систему Запада, Китай не отказался от своей идентичности — не только культурной, но и политической. И пока, во всяком случае, не претендует на универсальность, потому что решает не общие, «вечные» проблемы, свойственные всем без исключения европейским моделям, а национальные, и призывает последовать его примеру другие афро-азиатские государства.

Наконец, китайские реформы займут место в мировой истории в одном ряду с Великой Французской и Октябрьской революциями еще и потому, что в отличие от них изменили мир эволюционно. Среди множества характерных черт китайских реформ одна из главных состоит в том, что все реформы постепенно расширяют свою

предметную область, а в Китае, наоборот, они начались с ограничений, которые сфокусировали усилия на главном и не позволили им расплыться. Вскоре после 3-го пленума в марте 1979 г. были выдвинуты «4 основных принципа», сохранившие социалистические ценности, руководство компартии и окончательно утвердившие курс реформ, не позволив им перейти грань. Этим они коренным образом отличаются от реформ в СССР, которые не смогли остановиться и в конце концов привели к революционным потрясениям и посредственным результатам.

Успех китайских реформ имеет несколько причин. На 3-м пленуме после почти трех десятилетий «классовой борьбы» центр тяжести был перенесен на экономическое строительство и с теории на практику. В начале реформ ставились конкретные и очень умеренные с точки зрения окончательных результатов цели — «согреть и накормить», а в качестве перспективной — достичь «малого достатка» для всего миллиардного населения. Гигантская по экономическим масштабам, но скромная по меркам исторического развития задача. Однако в процессе достижения этих целей были решены многие другие задачи. Постепенно отдаляясь от теоретических схем под лозунгом «практика — критерий истины», КПК формировала собственные представления о социально-экономической и политической системе. Из частных успехов складывалась целостная и, в силу не идейно-теоретического, а практического характера преобразований, не похожая ни на что другое картина общественного строя: сочетание плана и рынка, организация специальных экономических зон, а затем и система «одно государство — два строя», привлечение иностранного капитала и технологий и одновременно жесткий идеологический и политико-административный контроль. С точки зрения европейских критериев развития (капитализма, социализма и их конвергенции), в Китае сейчас царит полная эклектика: в экономике сочетание ведущей роли общественной собственности и рынка; в политической системе авторитаризм и деление не на 3, а на 4 власти; во внешней политике — евразийский проект «Пояса и пути» без участия развитого мира и т.д. Однако жизнеспособность действующей модели заставляет задуматься о том, что в КНР формируется новый общественный строй — отличный и от западного, социалистического, и от традиционного китайского, надстраиваясь над всем историческим наследием Китая. В нем угадываются очертания совершенно нового мира, который еще не получил теоретического описания, но уже реально существует.

Китайские реформы изменили не только мир, они изменили теоретические представления о развитии, которые тоже были сформированы на Западе: капитализм, частная собственность и рынок, разделение властей, многопартийная система и т.д. Китай дал свой ответ на проблему детерминизма экономической и политической систем. В результате китайских реформ строгая детерминистская модель, которая лежит в основе европейской научной традиции, дала трещину. Точку в дискуссии об очередности экономических и политических реформ в социалистических странах поставил Китай. Теперь мы понимаем, что экономические и политические реформы всегда проходят синхронно, но их направления могут отличаться. Рыночные реформы в Китае не воспроизвели логику западного развития, экономический детерминизм не совладал с цивилизационным. Одновременно с экономическими реформами активно, но неброско начала меняться авторитарная система, но не в сторону демократизация, как требовал экономический детерминизм, а в направлении институционализации.

Начиная реформы, китайское руководство ограничилось практикой. После многочисленных ошибок Мао оно избегало и старых, и новых фундаментальных положений. Дэн Сяопин отважился лишь на тезис о китайской специфике, санкционировавший происходившие практические изменения. Теоретическую смелость в тот период проявляло советское руководство, ощущавшее приближение смены эпох и растущий запрос на реформирование социализма. Однако практического материала для правильного обоснования грядущих изменений у него было недостаточно. Советским лидерам не хватило проницательности — «развитый социализм» (Л. Брежнев), «азбука марксизма» (Ю. Андропов).

пов), «ускорение» и «перестройка» (М. Горбачев). Надо признать, что китайские и советские руководители мыслили параллельно, но в разных системах координат и разными категориями: глобальными и всемирно-историческими, свойственными лидеру мирового социализма и сверхдержаве, и социально-экономическими и сугубо национальными, характерными для большой развивающейся страны Востока. М. Горбачев попытался концептуализировать ответ на вызовы глобализации новой универсальной доктриной — перестройкой социалистического строя. Его вывод о необходимости заимствовать у капитализма эффективные экономические механизмы и уйти от идеологической конфронтации ничем не отличался от китайского. Но сменив универсальные коммунистические ценности на общечеловеческие, СССР добровольно отказался от идентичности, потерял субъектность и контроль за собственным реформированием, что неизбежно привело его к поражению. Китай остерегался делать далекоидущие выводы и ориентировался по ситуации — «сначала понюхать».

Ликвидация социализма в СССР подчеркнула китайскую идентичность. Но оснований, чтобы ее рассматривать в качестве альтернативной модели, тогда было еще недостаточно. Только успех на практике и, главное, формирование собственного категориального аппарата дают основание говорить о появлении самостоятельной модели и возможности ее сравнения с западной. Провозглашенные на XIX съезде КПК ориентиры зафиксировали это принципиальное изменение.

Завершение китайских реформ подводит итог первому этапу глобализации, основным содержанием которого, как мы сейчас понимаем, была демократизация и экономическая либерализация, в том числе социализма. Этот этап показал, что отличия в мире настолько глубоки, что даже общемировые тенденции не способны их ликвидировать, конвергенция закончилась. Важную роль в этом сыграл Китай. С этого начинается эпоха идентичности, которая ставит новые фундаментальные вопросы, например, каковы механизмы и цели развития, что такое политическое и т.д.

Э.П. Пивоварова:

Одним из главных событий в КНР 2018 года стало 40-летие начатой в 1978 г. экономической реформы.

Необходимость осуществить модернизацию народного хозяйства КНР была высказана Дэн Сяопином еще на Всекитайском совещании по вопросам развития науки в марте 1978 г., то есть накануне хозяйственной реформы, что требовало существенного повышения качественных параметров производительных сил страны. Ключом к осуществлению модернизации были названы наука и техника, что требовало ориентации на техническую реконструкцию в крупных масштабах.

Прозвучавший в опубликованной в «Жэньминь жибао» 6 октября 1978 г. программной статье президента АОН Китая Ху Цяому, озаглавленной «Необходимо следовать экономическим законам и ускорять четыре модернизации», тезис о необходимости «соединять преимущества социалистического строя с передовой наукой и техникой и опытом управления развитых капиталистических стран» стал одним из главных идейных ориентиров этого времени.

Состоявшийся в декабре 1978 г. 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва определил курс на более медленное, но более сбалансированное развитие, резко осудив прежнюю практику «ускоренного строительства социализма».

Во вступительной речи на XII съезде КПК в сентябре 1982 г. Дэн Сяопин формулирует «основной вывод», сделанный в КНР на основе обобщения длительного исторического опыта: «Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной практикой нашей страны, идти собственным путем и строить социализм со спецификой Китая». В этих словах Дэн Сяопина содержится и ретроспективный взгляд на уже сделанный КНР путь социалистического строительства, и осмысление принципиально иной экономической политики, проводимой в стране с конца 1970-х годов, и установка на перспективу.

На протяжении всех лет реформы в КНР, внимательно исследуя как свой, так и зарубежный опыт, как правило, после экспериментального апробирования вводили в практику страны то, что давало положительные результаты, хотя еще до недавнего времени считалось «табу» для социалистического общества. Именно такие инновации стали «прорывами» китайских ученых в экономической теории социализма и слагаемыми «социализма с китайской спецификой». В современном Китае они названы «наипервейшей движущей силой, ведущей за собой все развитие».

Накануне открытия 3-й сессии ВСНП в марте 2015 г. Си Цзиньпин, выступая на объединенном заседании Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, отметил, что проведение в жизнь «основного экономического строя», который характеризуется совместным развитием различных форм собственности при ведущей роли общественного сектора, является «фундаментальной политикой и основным курсом КПК».

Характерно, что уже в докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП в 2016 г. рекомендуется «более энергично «пробуждать жизнеспособность необщественного сектора экономики» и «без малейших колебаний» не только «поощрять и поддерживать», но и «направлять его развитие», а на 5-й сессии ВСНП в 2017 г. подчеркивается необходимость «стоять на позиции обеспечения равных прав, равных возможностей и равных правил для всех», продолжая либерализацию доступа на рынок субъектов негосударственной собственности.

Нынешние представления китайских ученых о допустимости сосуществования при социализме социалистических и несоциалистических форм хозяйства все не совпадают с высказанными при жизни Ленина идеями новой экономической политики о пусть очень медленном, но все же вытеснении единоличных собственников из социалистического общества. В вытеснении несоциалистических форм хозяйствования, преобразовании их на основе повышения производительности труда и его организации на коллективных началах виделась В.И. Лениным экономическая стратегия государства в переходный период к социализму. Школа НЭПа состояла в том, чтобы научиться вытеснять несоциалистические хозяйства не волевыми актами, а экономическими методами, а научившись, сделать хозрасчет постоянным принципом социалистического хозяйствования. Относительно судьбы НЭПа В.И. Ленин высказался достаточно ясно: НЭП нужен лишь до тех пор, пока социалистические уклады наберут силу, и «Россия нэповская» превратится в «Россию социалистическую».

Позиции китайских ученых, называемые «прорывом» в теории вопроса о развитии при социализме многообразных по формам собственности типов хозяйств, заключаются в обосновании необходимости создания модели экономической системы по типу «сосуществования различных по формам собственности типов хозяйств при ведущем положении общественной собственности». Причем плюрализм в формах собственности признается ими не только как неизбежная черта начального этапа социализма, продолжительность которого измеряется примерно столетием, но и как, по всей видимости, необходимая для удовлетворения многообразных потребностей человека данность общества вообще, т.е. не только общественные, но и традиционно рассматривавшиеся как несоциалистические типы хозяйств вписываются в модель «социализма с китайской спецификой».

Надо сказать, что пойдя по пути использования положительных наработок как плановой, так и рыночной экономик, китайское руководство постепенно расширяло возможности рынка, но постоянно продолжало контролировать процесс «рыночнизации» и сохранять за государством ведущие позиции в экономике, в первую очередь, в стратегических отраслях народного хозяйства. И сейчас, на новом этапе «всестороннего углубления реформ» и заявлениями о целесообразности допущения рынка в сферы деятельности и отрасли, ранее закрытые для негосударственного и иностранного капитала, можно с большой долей уверенности сказать, что китайское руководство пыгается разрешить эту, не впервые заявленную, но очень трудно поддающуюся выполнению, задачу четкого

разграничения функций государственных органов и рынка, но не ослабляя государственное регулирование, а лишь совершенствуя его.

Не случайно уже с начала 2000-х годов новым руководителям страны рекомендовалось учесть «главный опыт» работы правительства в годы реформы — продолжать совершенствовать макрорегулирование и макроконтроль в сфере экономического и социального развития Китая, а когда внутренняя и внешняя обстановка становятся чрезвычайно сложными и макрорегулирование и макроконтроль оказываются перед дилеммой, необходимо, давая свободу «невидимой руке» рынка, как следует выявлять роль «видимой руки» правительства и тем самым стимулировать устойчивый рост экономики.

Именно поэтому, говоря о самых сложных проблемах, которые удалось решить в последние годы, когда трудностей оказалось «гораздо больше и притом более серьезных, чем в прошлом», нынешние руководители КНР не без гордости называют это результатом немалого опыта, накопленного в макрорегулировании» за годы реформы, подчеркивая: «наши реформы уже “дают дивиденды”».

А.В. Островский:

За последние годы Китай перешел от высоких темпов экономического развития к более низким, что объясняется двумя причинами: внутренними — достигнутый высокий объем ВВП, определяющий большие сложности при достижении еще более высоких показателей ВВП, и внешними — связанными со значительным снижением спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса, а также из-за введенных США санкций на импорт китайских товаров. Переход в последние годы к более низким показателям прироста ВВП связывается в Китае с понятием «новая нормальность» (*синь чантай*), которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. «Новая нормальность» обозначает стремление руководства КНР достичь к 2020 г. цели построения в Китае общества «малого благоденствия» (*сяокан*) и в новых условиях для решения этой задачи обеспечить устойчивое развитие при снижении темпов прироста ВВП.

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) Китай встретил огромными успехами, которыми подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. При оценке результатов социально-экономического развития Китая за этот период, по сравнению с результатами таких стран, как Индия и Россия, следует отметить заметный отрыв Китая от этих стран. В частности, Китай и Индия в начале 1980-х годов находились на одном уровне, в настоящее время Китай опережает Индию уже в 5 раз. 25 лет тому назад экономика России по своим масштабам была больше китайской, а в настоящее время объем российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской. По данным на конец 2017 г., объем ВВП Китая составил 82,7 трлн юаней, или 12,5 трлн долл. По показателю ВВП (в пересчете по валютному курсу) Китай занимает 2-е место в мире после США и обеспечивает 30% вклада в мировую экономику. Одна южная провинция Гуандун по объему ВРП уже обгоняет объем ВВП России — 1,3 трлн долл.

Эти показатели социально-экономического развития Китая демонстрируют зримые успехи Китая в мире. В то время как мировая экономика время от времени попадает в полосу различных финансовых и экономических кризисов, китайская экономика уверенно движется вперед. **На фоне других стран мира китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода буксиром для мировой экономики.** Особенно хорошо это заметно на примере сравнения темпов роста экономик КНР и США. Только во 2-м квартале 2017 г. темпы роста экономики КНР — 6,9% — более чем в три раза опередили США — 2,1%, а темпы прироста ВВП КНР в 2017 г. в целом также составили 6,9%.

Такая же сравнительная динамика прироста ВВП США и КНР прослеживается на протяжении двух последних лет. Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли: 1-е место по объему экспорта и 2-е место по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на между-

народном финансовом рынке, а китайская валюта — юань вошла в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной. В социально-экономической сфере Китая тоже добился заметных успехов.

В Китае заметно увеличилась численность и доля городских жителей — с 711,8 млн человек (52,57% населения) в 2012 г. до 813,5 млн (58,5% населения) в 2017 г. При этом постоянно происходит рост душевых распределяемых доходов, который в 2017 г. составил 25 974 юаня в год на человека, медианный доход — 22 408 юаней на человека, среднемесячная зарплата рабочих-мигрантов из деревни составила 3485 юаней в месяц (примерно 34 850 рублей), а средняя номинальная зарплата в Китае — 67 569 юаней в год (или 5630 юаней, что равно примерно 56 300 рублей в месяц). При этом потребительская инфляция в КНР ниже, чем в России, и составила 1,6% в год (1,7% в городе и 1,1% в деревне). Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 г. — первым годом реформы, но и с началом XXI века. Хотя в Отчетном докладе было отмечено, что в последние пять лет в среднем создавалось 13 млн новых рабочих мест, произошел заметный рост охваченных пенсионным и медицинским страхованием, но по-прежнему растет разрыв в доходах между различными слоями и группами, городом и деревней, по-прежнему сохраняется неравный доступ разных слоев населения к различным общественным услугам — образованию, здравоохранению, дешевому жилью «экономического класса» и другим услугам.

Для реализации амбициозных планов в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина для ускорения совершенствования социалистической рыночной экономики и экономических перемен был намечен комплекс мер. В их основу была положена новая концепция регионального экономического развития, направленная на координацию между четырьмя основными регионами Китая (приморские провинции, Северо-Восток, центральный и западный районы). В отчетном докладе отмечалось, что «необходимо укреплять западные территории, «старую промышленную базу» на Северо-Востоке, выявлять роль центрального района, сделать восточный район ведущим в инновационной экономике, наладить механизм согласования и координации между регионами.

Было объявлено о продолжении ранее намеченной стратегии развития китайской деревни, которая направлена в Китае на решение «трех сельских вопросов» (крестьяне, село и сельское хозяйство). КПК выделила вопрос о системе землепользования как решающее звено в обеспечении населения продуктами питания в целом и зерном в частности. Было предложено перейти на второй этап развития системы земельного подряда и продлить сроки аренды земли крестьянами до 30 лет при стимулировании крестьян вступать в различного рода кооперативные объединения на селе.

Большое внимание в Отчетном докладе было уделено вопросу о совершенствовании рыночной экономики с упором на совершенствование системы имущественных прав и использование рыночных механизмов.

Еще одним важным моментом, на который следует обратить внимание, стал пункт в докладе о дальнейшем продвижении «открытости» в экономике, в центре которой должна стать реализация выдвинутой Си Цзиньпином осенью 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь». При этом говорилось об одновременном развитии внешнеэкономических связей в приморских и внутренних районах, увеличении экспорта и импорта, развитии индустрии услуг, равенстве предприятий всех форм собственности и охране прав иностранных инвесторов и развитии зон свободной торговли и свободных портов.

Отдельным пунктом стратегии развития является постоянное повышение жизненного уровня населения страны. Было выделено семь основных направлений для решения этих проблем: 1) развитие образования как основного фактора социальной мобильности населения; 2) повышение качества занятости и роста доходов; 3) расширение системы социального страхования для населения; 4) усиление борьбы с бедно-

стью; 5) развитие системы общественного здравоохранения; 6) обеспечение равного доступа населению к получению социальных услуг; 7) гарантии общественной безопасности населения.

В последнее время в КНР стали еще больше внимания уделять развитию инноваций, так как Китай вступил в период сокращения численности экономически активного населения и экономический рост не может быть достигнут, как ранее, за счет привлечения на производство большого количества рабочей силы. В этом случае предусматривается опора на выдвинутую еще на XVII съезде КПК «концепцию научного развития». В «концепции научного развития» была обоснована необходимость перехода от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным методам, что предполагает повышение роли науки и техники в развитии экономики и создание инновационной экономики. Данная концепция предусматривает отказ от стимулирования экономического роста любой ценой, снижение затрат на производство единицы ВВП при сохранении устойчивых темпов экономического роста и более справедливом распределении его результатов между различными группами населения и между регионами страны.

За пять лет — от съезда до съезда — были сделаны и заметные достижения в области науки и техники. В частности, был осуществлен запуск человека в космос, осуществляется создание космической станции «Тяньгун» («Небесный дворец») и спуск под воду в батискафе «Цзяолун» («Водяной дракон») на глубину 7200 метров в Марианской впадине на Тихом океане. Только в прошедшем 2017 г. Китай добился заметных успехов в инновациях, в развитии науки и техники и реализации крупных проектов, к которым следует отнести создание рентгеновского космического телескопа, производство устойчивого к морской воде риса, добычу «горючего льда», введение в эксплуатацию в Шанхае автоматизированного порта Яншань, завершение строительства моста Сянган — Чжухай — Аомынь (Макао), запуск высокоскоростного поезда нового поколения «Фусин» и другие — всего 10 такого рода проектов.

На китайском рынке представлены все ведущие международные инвесторы, однако их роль неодинакова. В частности, объемы и доля инвестиций из США от валового поступления иностранных инвестиций в Китай существенно уменьшилась за 20 лет — с 6,5% в 1995 г. до 1,9% в 2016 г. Объем инвестиций из европейских стран плюс США, Канады и Австралии в последние годы обеспечивал примерно 7–9% валового объема иностранных инвестиций ежегодно, после финансового кризиса 2008–2009 гг. неуклонно снижался, а в 2016 г. составил 6,3% годового притока прямых иностранных инвестиций. Более того, на американском рынке объем прямых инвестиций из КНР существенно превышает объем прямых инвестиций из США в КНР. В частности, в 2015 г. объем прямых инвестиций из США в КНР составил 2,1 млрд долл., а из КНР в США — 7,6 млрд долл., в 2016 г. из США в КНР — всего 2,4 млрд долл., а из КНР в США — 8,0 млрд долл., то есть больше в 3,3–3,6 раза. Таким образом, в настоящее время степень зависимости американской экономики от китайских инвестиций оказывается существенно выше, чем китайской экономики от американских инвестиций. Судя по всему, Д. Трамп ввел импортные пошлины на товары из Китая на сумму 250 млрд долл. для того, чтобы уменьшить зависимость американского внутреннего рынка от китайских товаров и инвестиционного капитала.

В настоящее время стоит один вопрос: кто победит в ходе американо-китайской торговой войны и как это отразится на развитии мировой экономики. Некоторые эксперты считают, что у США позиции лучше, так как китайская экономика в большой степени зависит от внешнего рынка. Однако хочу отметить, что китайский внутренний рынок — самый большой рынок в мире, примерно 1,4 млрд человек, и доходы населения растут быстрыми темпами, что обеспечивает большую емкость внутреннего рынка не только в приморских провинциях, но и во внутренних районах страны. При этом Китай активно реализует выдвинутую в 2013 г. инициативу «Один пояс, один путь», что может обеспе-

читать дополнительный прирост внешней торговли со странами Центральной и Передней Азии, Западной Африки, Южной и Восточной Европы.

Сложнее ответить на другой вопрос. На мой взгляд, на первом этапе будет наблюдаться падение темпов роста мирового ВВП из-за взаимных санкций во время американо-китайской торговой войны, однако в дальнейшем за счет роста торговли Китая со странами «Пояса и пути» это падение будет компенсировано.

Л.В. Новоселова:

За последние 40 лет в результате непрекращающихся усилий, направленных на коренное реформирование созданной в предыдущий период централизованной плановой экономической системы, Китай превратился из глобального экономического аутсайдера в неоспоримого лидера современной мировой экономики. Ни одна из бывших социалистических стран не может похвастаться такими результатами во многом аналогичной по содержанию рыночной трансформации экономики. Успехи КНР выглядят особенно внушительно на фоне неубедительного состояния экономики в странах постсоветского пространства (включая Россию), экономические реформы в которых были начаты всего лишь на 10 с небольшим лет позже, чем в Китае. Возникает естественный вопрос: в чем состоят особенности китайского способа реформирования, позволившие этой стране добиться столь впечатляющих достижений, несмотря на несравненно худшие стартовые условия глубоких экономических преобразований?

В отличие от других стран «мирового социализма», экономические реформы в КНР осуществляются в условиях не слома, а, напротив, сохранения действующей политической надстройки и поддержания управляемости экономической системы. Это не только позволило руководству страны максимально сконцентрировать внимание на социальных и экономических вопросах, но и открыло возможность для осуществления постепенных, последовательных преобразований, а не обвальных «шоковых» реформ. В этом, как показала практика, состоит важнейшее преимущество китайского способа реформирования.

Постепенность преобразований, осуществляемых по принципу «переходить реку, нащупывая ногами камни», обеспечила несколько важных результатов. Прежде всего, в условиях крайней бедности населения она позволила максимально ограничить социальные и экономические издержки рыночной трансформации. Не случайно, **в отличие от других стран, Китай сумел избежать так называемого трансформационного спада при переходе к рынку.** Кроме того, продвигаясь от частного к общему, отталкиваясь от изменений на уровне микроэкономики и лишь затем переходя к системным макроэкономическим сдвигам, постепенность трансформации с самого начала позволила создать в экономике страны живую конкурентную среду и избежать появления в ней олигархических новообразований. Последние, как известно, исходя из собственных интересов, способны значительно деформировать сущность и направление экономических преобразований. В результате государство сохранило за собой все возможности для проведения по ходу осуществления реформ активной структурной и промышленной политики. Данное обстоятельство, в частности, позволило Китаю довольно быстро преодолеть последствия как азиатского, так и последовавшего за ним мирового финансового кризиса.

Ключевым фактором активизации роста китайской экономики в годы реформы явилась общая децентрализация экономической системы при расширении как хозяйственных функций (включая инвестиционную составляющую), так и финансовой самостоятельности провинциальных и местных органов власти. Тем самым было достигнуто максимальное вовлечение в экономический оборот имеющихся в стране производственных ресурсов, а получаемые в результате реформ материальные выгоды и преимущества были распространены на широкие слои населения. Все это помогло обеспечить эффективность реформ и их общественную поддержку.

Следует особо отметить неуклонный, последовательный характер рыночных преобразований. Даже в условиях ужесточения внутренней политики и «закручивания

гаек» в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь в конце 1980-х годов Китай сохранил курс на разгосударствление и либерализацию хозяйственной жизни с созданием основных несущих конструкций «социалистической рыночной экономики». Именно в 1990-е и в начале 2000-х годов шаг за шагом были проведены такие важнейшие преобразования, как реформа налоговой системы, реформа бюджетной системы и межбюджетных отношений, реформа банковского сектора, реформа инвестиционной сферы, реформа внешней торговли и валютной системы, создание финансовых рынков и т.д. Право частной собственности было закреплено в Конституции КНР. Все это уже к началу нового столетия позволило при сохранении важной роли государства и государственной собственности в экономике сформировать в Китае по преимуществу рыночный механизм распределения ресурсов вкупе с целой системой институтов и инструментов макроэкономического регулирования. На долю частного сектора сегодня приходится 60% занятых и 70% ВВП, и эти показатели с каждым годом увеличиваются.

Ключевой элемент китайских экономических реформ — политика открытости по отношению к внешнему миру. Успех этой политики во многом связан с умелым использованием традиционных связей Китая с многочисленной и богатой зарубежной китайской диаспорой, обладающей большим влиянием в деловых кругах стран АТР. Создание благоприятного инвестиционного климата для иностранного капитала в сочетании с наличием обильной и дешевой рабочей силы позволило КНР уверенно интегрироваться в глобальную экономическую систему, встраиваясь в мировые цепочки добавленной стоимости по самым различным направлениям. Ориентация на внешние рынки сбыта и источники технологий в свою очередь обеспечили возможность сверхвысоких темпов экономического роста и нормы накопления. Естественным результатом всех этих процессов в 2001 г. явилось присоединение Китая к Всемирной торговой организации с последующим активным использованием ее возможностей в интересах дальнейшего укрепления позиций КНР на международном рынке.

Еще одно слагаемое успеха китайских реформ — прагматичная внешняя политика как продолжение политики внутренней. Концентрируя максимальные ресурсы на решении вопросов национального развития, Китай в период активных экономических преобразований, как правило, проявляет демонстративную неамбициозность и бесконфликтность на мировой арене, отказавшись от прежней тактики противоборства «острием против острия» в международной политике. Эффективность этого подхода очевидна. Ведь именно такая позиция в сочетании с мерами по дальнейшему открытию национальной экономики при твердом отстаивании принципа невмешательства во внутренние дела позволила КНР успешно выйти из-под санкций Запада, объявленных в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь. Более того, способствуя превращению Китая в одного из безусловных лидеров мировой экономики, такая политика в конечном итоге позволила ему существенно укрепить свои позиции и в глобальной иерархии геополитической силы.

Последним (по порядку, но не по значению) фактором успеха китайских реформ является весьма квалифицированное государственное управление. Основные алгоритмы этой работы отработаны за годы глубоких рыночных преобразований и показывают хорошую эффективность. Создание перспективной национальной стратегии тесно увязано с разработкой продуманной и непротиворечивой экономической политики, с подготовкой конкретных программ и проектов развития. При этом важная роль принадлежит научному сообществу в лице Академии общественных наук Китая, а также многочисленных экспертных центров, специализирующихся на изучении мировой экономики и экономики развитых зарубежных стран. Далее, шаг за шагом, следует формирование правовой основы предполагаемых к реализации мероприятий, определение источников их финансирования, а также выбор соответствующего макро- и микроэкономического инструментария. Все это сопровождается пристальным мониторингом, а если понадобится, то и корректировкой текущей ситуации в экономике и, наконец, получением искомого практического

результата. Так, целенаправленно и прагматично, работает ориентированный на национальные потребности и интересы механизм развития китайской экономики.

Л.И. Кондрашова:

Хотя не существует никаких временных стандартов проведения реформ, 40-летний срок, отделяющий нас от декабря 1978 г., и нерешенность многих насущных проблем дают основание говорить не о «реформе» в единственном числе, а о подлинной Эпохе китайской Реформации и Возрождения, которой пока не видно конца. За четыре десятилетия произошла целая серия экономических и политических реформ, различающихся степенью зрелости рыночной экономики. Достигнутые к настоящему времени успехи Китая многие называют «китайским чудом» превращения недавно еще отсталой страны в подлинного экономического гиганта и «всемирную фабрику» с поистине астрономическими масштабами производства и объема внешней торговли. Заслугой реформаторов можно считать сохранение целостности территории страны, поддержание необходимой политической стабильности, повышение благосостояния населения. Итоги кампании по искоренению нищеты в Китае признаются беспрецедентными в мировой практике. По мнению академика Сергея Глазьева, Китай становится лидером Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором формируется новое ядро экономического роста, соответствующее шестому глобальному технологическому укладу.

Отдавая должное китайским реформаторам, приходится признать, что беспрецедентный экономический подъем достался Китаю дорогой ценой огромных капиталовложений, серьезных экономических диспропорций, слишком высокой зависимости от конъюнктуры мирового рынка, катастрофического ухудшения экологической обстановки. **Мобилизационная модель экстенсивного экономического роста породила значительную имущественную дифференциацию, возникновение целого ряда социальных противоречий.** Серьезные претензии выдвигаются сейчас и по отношению к самому полустихийному ходу реформ («нащупывая камушки под ногами»), что вело к потере времени, экспериментальным издержкам, половинчатости многих начинаний. Это касается и реформы госпредприятий, и строительства «новой деревни», и манипуляций с административно-территориальным делением. Сейчас в китайской печати встречаются признания в том, что Китай вступил в глубоководье, где под ногами уже нет камушков, что «по существу все надо начинать заново»¹.

Уже к концу первого десятилетия XXI века стало очевидным, что реформистский процесс в силу своей протяженности и изменения внутренних и внешних условий просто не укладывается в рамки одной модели, что сложившаяся модель экстенсивного роста уже во многом себя исчерпала. Она основывалась на формуле: «высокие темпы роста — высокая капиталоемкость и материалоемкость производства — серьезное загрязнение природной среды — невысокая производительность труда — сравнительно низкая оплата труда». С повышением стоимости труда и ресурсов, постепенным замедлением темпов роста и с изменениями международной обстановки созрела необходимость корректировки дальнейшей траектории развития. Си Цзиньпин назвал важнейшей проблемой сегодняшнего дня «углубление реформы», достижение правильного соотношения рынка и государства, подтягивание социальной и экологической составляющей, проведение серьезных структурных преобразований, привлечение интенсивных факторов роста, укрепление территориальной целостности государства и наращивание «мягкой силы». За ориентир берется развитая экономика, базирующаяся на высокой оплате труда, высоком подоходном налоге, высоком потребительском спросе (с широким привлечением кредита), высоком качестве образования и здравоохранения. Именно этот смысл закладывается в китайский курс «новое нормальное состояние», «социализм с китайской спецификой в новую эпоху».

В сложившейся «симбиозной» социально-экономической стратегии Китая присутствуют разнородные элементы: государственная и частная формы собственности, крупное машинное и мелкое полутрадиционное производство, распределение по труду

и по факторам производства, высокая степень модернизации в приоритетных отраслях и трудозатратные технологии в других сферах, сосуществование «двух систем» (на территории КНР и в прежних колониях Гонконге и Макао). **Ныне Китай — причудливая смесь исторически сложившейся умеренности и неожиданно вторгшегося потребительства, коммунистической солидарности и буржуазной конкуренции, господства авторитета и власти денег.** Сравнение китайских реалий с ленинской политикой НЭПа дает основание зарубежным исследователям трактовать китайскую модель как «гибрид», сочетающий в себе неолиберальный режим в рамках партократического государства². Сторонники «конвергенции по-китайски» считают китайскую экономическую систему капиталистической, а политическую систему — социалистической.

Избегая жестких философских дефиниций, которые могли бы быть интерпретированы как догматы, китайская общественная наука уделяет все большее внимание поискам модели, альтернативной одновременно обоим путям — и социалистическому, и капиталистическому (*tertium datur*, «третье дано»), а именно, свободного как от пороков бюрократического зажима, так и от подвохов рыночной анархии. Наиболее желательную перспективу можно сформулировать таким образом: не конвергентное общество, совмещающее черты капитализма и социализма, а альтернативное общество, основу которого составляет модернизированный механизм капиталистического хозяйствования, а социалистические принципы и ориентиры выступают в роли социальных ограничителей и модификаторов этого механизма.

На всех политических и экономических форумах особое внимание уделялось ликвидации «пяти дисбалансов»: между экономическим и социальным развитием, городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между человеком и природой, между внутренним развитием и «внешней открытостью». Лозунги «все во имя человека», «гармоничное развитие», «китайская мечта» нацеливают на повышение «качества» человека, прежде всего его познавательной способности, и «качества» общества, измеряемого степенью удовлетворения материальных и духовных потребностей человека. Именно это содержание закладывается в понятие «общества *сяокан*» в духе известной идеологии традиционного Китая, получившей вторую жизнь. В соответствии с традиционной трактовкой этого термина под «обществом *сяокан*» понимается достижение материального достатка, т.е. удовлетворение насущных потребностей человека, и одновременно умеренность этих потребностей в расчете на совершенствование природы человека. «*Сяокан*» — это не общество аскетов, но и не общество жадных потребителей.

Намеченное «углубление» хозяйственной реформы не меняет ее общей рыночной ориентации, но настраивает на повышение значимости государственного макрорегулирования и дополнение рыночной конкуренции высокими моральными принципами, заложенными в китайской традиции и в марксистском учении. Однако китайский «рыночный социализм» настолько близок «государственному конфуцианскому капитализму» азиатского толка, что вопрос «кто — кого» (капитализм или социализм) нельзя считать окончательно решенным. Важно определить, какая доля капитализма безопасна для «социализма с китайской спецификой».

Самих китайцев и тех, кто наблюдает за развитием страны из-за рубежа, больше всего интересует вопрос о прочности «китайского чуда», находятся откровенные скептики, заявляющие, что пока не ясно, «чудо» это или эксперимент с неясными последствиями³. Пока уступки «рынку» не дают повода сомневаться в приверженности компартии социалистическим идеалам.

Новый этап китайской Реформации начинается с проведения широкомасштабной политической реформы, призванной создать политический механизм «социализма с китайской спецификой новой эпохи». Многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильно централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне, централизацию с децентрализацией,

стабильность власти с широкой инициативой на местах. Единоличное правление при существовании развитой системы муниципалитетов и внедрением демократии в пределах правящей партии означает особую форму авторитаризма, обеспечивающую высокую эффективность управления. Общую социалистическую направленность стратегии развития подчеркивает введенный в Устав КПК тезис о совершенствовании институциональной системы, обеспечивающей положение народа как хозяина страны.

Логика пройденного Китаем пути вселяет надежды на успешное продолжение китайских реформ, рост национальной мощи и повышение благосостояния китайского населения. Безусловно, переход к новой экономической модели не может пройти бесконфликтно, поскольку уже сформировались социальные слои, заинтересованные в сохранении «статус-кво», своих высоких прибылей и своего политического влияния. Для продолжения успешного китайского «марафона» необходимо: совершенствование авторитарного режима и госрегулирования, высокое качество и антикоррупционность элиты, поддержание рациональной занятости и повышение доходов населения.

Завершение эпохи китайской Реформации можно ожидать к середине XXI века, когда в Китае будут заложены основы «общества *данун*». мироустройство в стиле *данун* означает преодоление трех «разрывов» — между отдельными людьми, между разными государствами и между человеческим сообществом и природой. Этот пока что утопический проект сродни достижению вечной мечты человечества о гармонии и справедливости, это аналог христианского идеала и марксистского коммунизма. При таком подходе понятие социальной справедливости оказывается нравственной категорией, совпадающей со «сверхзадачей» развития человечества — создание условий для максимального использования творческого (креативного), инновационного потенциала человека.

В.М. Мазырин:

Я хотел бы затронуть тему сравнения моделей рыночных реформ во Вьетнаме и Китае.

В 80-е годы XX века Вьетнам и Китай существенно скорректировали модели своего развития, перейдя от административно-командной к рыночной экономике. Такой переход обусловлен как внешними, так и внутренними причинами, он определяется воздействием целого комплекса факторов и имеет объективный характер. **Сравнение общих черт и особенностей условий, стратегии и тактики, результатов реформ помогает выявить как закономерности, так и национальную специфику исторических по значению изменений в государствах так называемого переходного типа.**

Сходство предпосылок и путей рыночных преобразований в рассматриваемых странах преобладает над различиями. СРВ и КНР приступили к рыночным реформам с небольшим временным разрывом — около 10 лет (соответственно в 1978 и 1986 г.) Следовательно, эти реформы начались в одну эпоху, в сходных исторических условиях и международной обстановке, которые КПК и КПВ считают в целом выгодными, отличающимися преобладанием позитивных моментов, включая процесс глобализации.

Изменения были продиктованы ведущими тенденциями развития мировой экономики, прежде всего усилением ее интернационализации и интеграции, ускорением научно-технического прогресса. Развитие сотрудничества и участие в конкурентной борьбе на мировом рынке потребовали укрепления рыночного характера, эффективности экономик КНР и СРВ путем их дерегулирования, вызвав глубокие институциональные изменения.

Наряду с действием общих для всех государств *внешними факторами* СРВ и КНР испытывали специфическое, причем нарастающее, влияние кризиса системы мирового социализма. Он выявил неотложную потребность кардинального изменения механизма централизованного управления и планирования, которая ощущалась особенно сильно на фоне динамичного роста экономик остальных стран Восточной Азии в 1960-е — 1980-е годы.

Стартовые условия реформ в обеих странах были во многом сходными в силу, прежде всего, исторических причин. Китай и Вьетнам — две азиатские страны с долгими историческими и культурными традициями восточной цивилизации, противоположными западной цивилизации. Цивилизация этих стран характеризуется как «конфуцианская культура», «китайский культурный ареал», указывая также на связь с Кореей и Японией. Следовательно, географическое положение Европы и Азии во многом предопределило различие исторических, культурных традиций Вьетнама и Китая, с одной стороны, и других соцстран и СССР — с другой. Оценивая выбранные ими модели развития, можно утверждать, что СРВ и КНР идут по своему особому «восточному» пути, который априори должен быть иным, чем у европейских союзников по блоку.

Китай и Вьетнам имели более низкий уровень экономического развития, чем другие соцстраны, их экономики носили аграрный характер, а сельские районы были более отсталыми. Большинство населения жило в сельской местности, занималось сельским хозяйством, использовало примитивные технологии и ручной труд. Индустриализация, призванная преодолеть отсталость, началась с запозданием. При административно-командной системе сложился разрыв между тяжелой и легкой промышленностью, неэффективно работал механизм управления, экономика переживала тотальный дефицит, распределение велось уравнилельно, что обусловило очень низкий уровень жизни. Это предопределило большую роль сельских районов в процессе реформ, помогло найти переходные формы хозяйства, отсутствующие в странах ЦВЕ и СССР. К тому же СРВ и КНР воспользовались преимуществом «идущих сзади», изучая опыт первопроходцев.

Что касается самого процесса реформ в обеих странах, то, несмотря на различия в длительности и содержании переходного периода, в них используются одни и те же общественные формы, политика и цели для ускорения развития. Среди *внутренних причин* это сходство определяется, прежде всего, кризисом административно-командной системы, который, нарастая, вынудил руководство Китая и Вьетнама пойти на серьезные изменения.

Переход к рыночной экономике путем системных реформ социализма представляет собой наиболее фундаментальную общую черту этого процесса. Обе страны решают аналогичные задачи в силу того, что их прежние экономические модели базировались на одинаковых принципах. Общность экономических институтов Вьетнама и Китая проявлялась в режиме собственности (господство общественных форм), управления (прямое планирование без участия рынка и цен как инструментов воздействия на процесс принятия решений) и распределения (по труду, но фактически уравнилельное).

Одной из определяющих общих черт реформ в СРВ и КНР является их проведение под руководством компартий, на схожей *идеологической платформе*. Выработка и реализация новой политики прежними элитами отличает Китай и Вьетнам от стран Восточной Европы и СССР, где коммунисты в лучшем случае инициировали переход к рыночной экономике и затем утратили власть в результате политического кризиса. Благодаря тому, что процесс преобразований в СРВ и КНР возглавили авторитетные партии, начальный этап перехода к рыночной экономике прошел легче. Они сумели сохранить стабильность и достигли быстрого роста, выведя национальные экономики из прежнего застоя. Это говорит о важности обеспечения политической стабильности, без которой возможна потеря контроля над ходом событий.

Руководящая роль компартий в процессе перевода экономики на рыночные рельсы предопределила декларирование обеими странами курса на социализм с собственной интерпретацией его сущности и этапов. Для выработки и реализации новых подходов потребовалась коренная перестройка мышления (освобождение от идеологических догм) и теоретических взглядов партийно-государственного руководства и кадров⁴.

При этом в основу концепций развития в Китае положены переработанные идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина, а во Вьетнаме — идеи и практические советы Хо Ши Мина. В обеих странах заявлено о верности марксизму-ленинизму и социализму при

одновременном внимании к специфике местной ситуации и поиске собственного пути в свете проверенных идей.

Это составляет главное отличие Вьетнама и Китая от других стран с переходной экономикой. Лидеры КНР, формируя новый базис и сохраняя без глубоких изменений надстройку дореформенного периода, заявляют о том, что строят «социалистическую рыночную экономику», а СРВ — «ориентированную на социализм рыночную экономику». Сходство обеих концепций развития в основных чертах при различии некоторых формулировок можно проследить на разных примерах.

Одним из важных теоретических прорывов в Китае и Вьетнаме считается пересмотр представлений о рыночной экономике путем теоретического обоснования возможности ее совмещения с социализмом. В Китае по инициативе Дэн Сяопина в 1992 г. была опровергнута идея о том, что плановая централизованная экономика присуща только социализму, а рыночная — капитализму. Он рассматривал обе лишь как формы организации экономики. Социалистической в КНР признана такая рыночная экономика, которая не действует стихийно и даже помогает наиболее эффективно организовать использование национальных ресурсов. С этой целью к двум традиционным методам, применяемым для управления рыночной экономикой — монетарной и финансовой политике, в Китае добавлено централизованное планирование как метод регулирования на макроуровне. Оно реализуется через генеральный план социально-экономического развития страны и отдельные важные планы регулирования экономической активности⁵.

Вьетнаму, который был тесно связан с СССР, стоило большого труда освободиться от влияния традиционной, в основе советской, модели социализма. Согласно этой модели социалистическая экономика работает противоположно рыночной, причем к социализму можно прийти через мелкое производство, минуя капиталистическую стадию развития. IX съезд КПВ (2001) заявил, что партия и государство проводят долгосрочную политику развития «управляемой государством, опирающейся на рынок, ориентированной на социализм многоукладной товарной экономики». Вьетнам решил строить рыночную экономику и использовать методы рыночного регулирования, чтобы стимулировать производство и раскрепостить производительные силы. Это позволило использовать позитивные элементы и ограничить негативные аспекты рыночной экономики, защищая интересы трудящихся и всего народа⁶.

При анализе *стратегии и тактики реформ* видно, что Китай и Вьетнам выбрали осторожные, постепенные методы преобразований (так называемый градуалистский подход), следуя принципу «практика — критерий истины». Они не применяли «шоковой терапии» в больших дозах, сумев тем самым избежать краха прежней политической системы, развала экономики и социальных волнений. Этот подход позволил лидерам двух стран адекватно реагировать на реалии и своевременно корректировать свою политику, учитывать национальную специфику и особенности.

Китай и Вьетнам в первую очередь развернули экономические преобразования, считая их наиболее важными, и лишь затем постепенно начали проводить политические и административные реформы. Построение рыночной экономики оказалось невозможным без перестройки государственных институтов и законодательства, потребовало внести изменения в надстройку общества. Эти изменения отличаются особой тщательностью подготовки. В то же время они ведутся так, чтобы не сдерживать реформирование экономики. Правильное осуществление первых служило необходимой предпосылкой для плавного хода вторых. С другой стороны, политическая стабильность составляла важное условие эффективности экономических реформ. В таком подходе заключается основное отличие КНР и СРВ от стран ЦВЕ и России, которые взялись осуществлять политические и административные реформы очень резко, прежде чем создали основы нового экономического порядка, т.е. выбрали революционный, а не эволюционный путь перемен. В результате европейские страны испытали сильнейший спад, шок и нестабильность экономики, массовые протесты и социальный кризис⁷.

Следовательно, рыночные реформы в Китае и СРВ представляют собой не просто экономический процесс, а смену модели развития с ориентацией на магистральный путь человечества. Учитывая, что политическая надстройка в рыночных условиях неизбежно подвергается демократизации (причем чем успешнее работают рыночные механизмы, тем более спокойно протекают политические изменения), можно утверждать, что в обеих странах происходит системная трансформация.

В практике преобразований были учтены и территориальные различия в уровне развития каждой страны. Китай и Вьетнам начали рыночные реформы в южных, прежде всего, в приморских провинциях. Это логично, поскольку морские порты и прибрежные зоны имели более легкий доступ к мировым рынкам, в большей степени «созрели» для перемен. Сдвиги в приморских провинциях стимулировали процесс изменений в более отдаленных районах, что придало ему единый общенациональный характер. Такой подход опирался на концепции «точного роста» и «локомотивов» экономического роста, ранее прошедших апробацию в Восточной Азии. Обе страны при этом следовали стратегии ускоренного социально-экономического развития: Китай осуществлял концепцию «трех шагов», а Вьетнам — индустриализацию и модернизацию.

Анализ общих черт развития Китая и Вьетнама в годы реформ показывает, что несмотря на различие стартовых условий, они достигли неоспоримых результатов, применяя схожую политику. Обе экономики росли быстрее, чем в других странах или в период до начала реформ. Удалось преодолеть кризис прежней системы, добиться стабилизации и роста производства, обращения и потребления. Ранее зависимая и дефицитная экономика, особенно в СРВ, стала развиваться в регулируемом режиме на рыночной основе. В разной степени повысились жизненные стандарты населения, обе страны на выгодных условиях интегрировались в мировое хозяйство.

В то же время при переходе к рынку Китаю и Вьетнаму, как и другим странам, пришлось решать во многом схожие сложные проблемы. Это трудности преобразования государственного сектора в рамках изменения системы собственности, сохранения прежней политической системы, преодоления имущественной дифференциации и социальных конфликтов между различными группами населения, городом и деревней, передовыми и отсталыми районами. В рыночной экономике получили распространение коррупция, дух наживы, преступность. В экономической сфере одной из основных проблем оказалось создание механизмов макроэкономического регулирования, включая банки и финансовые институты, налоги, страхование, рынок недвижимости. Для решения этих проблем потребовалось значительное время.

При переходе к рыночной экономике наряду с общими чертами выявились и определенные **различия между Вьетнамом и Китаем**. Они проявились в специфике исторических условий, стартовом уровне и темпах проведения реформ, соотношении внутренних и внешних факторов развития, потребовав выбора соответствующих мер и путей преобразований. Эти различия можно разделить на два типа. Первый определяется *объективными факторами* — природно-географическими и иными особенностями, влияющими на размер населения, площадь земель, почвы, этнический состав и т.п., внешним влиянием. Второй тип отличий зависит от проводимой политики, поэтому носит субъективный характер. Эти отличия возникли в период строительства социалистической экономики на основе применения собственных подходов к решению схожих проблем и во многом сохраняются сегодня.

Вьетнам не располагал благоприятными внешними условиями и преимуществами для перевода экономики на рыночные рельсы, какие имел Китай. Уже в ходе реформ ему пришлось сначала решать свои внутренние проблемы и лишь затем удалось использовать внешние факторы, в том числе помощь обширной эмигрантской общины на Западе, которую она оказывала своим родственникам. В целом воздействие внешних изменений на Вьетнам, как страну меньших размеров и роли в международной жизни, проявляется намного сильнее.

Хотя обе страны входили в социалистический блок, их позиции и отношения с остальными его членами были различными. КНР оказалась в конфликте с СССР и в определенной изоляции, что требовало поиска самостоятельных решений. СРВ, наоборот, вступила в 1978 г. в СЭВ и как его беднейший участник пользовалась различными преференциями в экономических отношениях с партнерами. Это, наряду с огромной помощью, приносило и негативный эффект, порождая зависимость, постоянный расчет на внешние источники средств, иждивенчество и инерцию. Здесь кроется одна из основных причин задержки экономических реформ, которые начались благодаря инициативе снизу и изменениям в других соцстранах. Перестройка и гласность в СССР в середине 1980-х годов, как и ранее начавшиеся реформы в КНР, дали сильный толчок пересмотру руководством Вьетнама курса развития.

Что касается внутренней *специфики рыночных реформ*, то можно выделить ряд особенностей. В двух странах перед началом реформ сильно различался уровень макроэкономической стабильности. В КНР они стали прямым следствием внутреннего экономического кризиса. Экономическая система Вьетнама также переживала кризис, но за счет иностранной помощи удавалось долго скрывать и сдерживать его. Императивы для реформ здесь возникли не только изнутри, но и извне.

Поэтому вьетнамские реформы начались под более сильным давлением, были поиском пути к национальному спасению.

При выработке и апробации новой политики Китай и Вьетнам применяли различные методы и последовательность шагов. Китай начал с дискуссий, решения теоретических вопросов: многие положения требовали пересмотра, для того чтобы партия преодолела ограничения, порожденные жесткими идеологическими принципами старой модели. Эти вопросы решались до внедрения новых установок в жизнь, хотя затем практика использовалась для дополнения теоретических представлений. Отличительной чертой КНР было поэтапное проведение пилотных проектов на местном и отраслевом уровнях. После проверки новых решений их применение расширялось как уже одобренных.

Во Вьетнаме практические изменения происходили сначала — сказались упомянутые причины, включая более широкое сохранение частного сектора и свободного рынка, более свободный порядок планирования, управления, соблюдения законов и т.п. Первым прорывом было «нарушение правил», которое позволяло людям вносить реальные изменения в действующую модель на низовом уровне. Здесь теоретические вопросы не ставились, как требующие неотложного решения, а практические изменения диктовались необходимостью выхода из тупиковой ситуации. В отличие от Китая, хозяйственные эксперименты проводились без формального разрешения, хотя табу нарушались исходя из доминирующих общественных настроений. Практические результаты, достигнутые на свой страх и риск на нижнем уровне, служили для проверки эффективности новых решений, а потом распространялись и утверждались. Причем руководство страны имело возможность корректировать свои установки в процессе выработки политики, что обеспечивало ее максимальную эффективность. Таким образом, страна прошла период экспериментов и дореформенной проработки новых форм хозяйствования, накопила «ферменты» рыночной экономики в недрах старой экономической модели, и политика обновления лишь помогла их активировать.

О.Н. Борох:

Китайская экономическая наука значительно изменилась за время реформ, с позиции сегодняшнего дня дискуссии конца 1970-х — начала 1980-х годов о характере действия экономических законов выглядят очень далекими от современных проблем. Тем не менее, в теоретических поисках китайских экономистов присутствует внутренняя историческая логика.

Первым шагом в направлении «раскрепощения» экономической мысли стало обращение к классическим марксистским текстам в интересах избавления от их догматического толкования. Затем последовал всплеск интереса к опыту экономических реформ

в социалистических странах Восточной Европы и их осмыслению восточноевропейскими экономистами. Знакомство с «Экономикой дефицита» Яноша Корнаи оказало заметное воздействие на китайские экономические круги. Постепенное расширение сферы изучения зарубежной мысли открыло путь к углубленному освоению отдельных западных экономических концепций — нового институционализма, теории прав собственности, теории общественного выбора. Обращение к западным идеям в условиях открытости внешнему миру сопровождалось выдвижением лозунга включения китайской экономической науки в мировую. Практическое осуществление этой цели требовало от китайских экономистов овладения новым инструментарием, приведения научных публикаций в соответствие с более строгими международными стандартами.

Однако в начале нового века стало заметно, что эти процессы не являются однолинейными и необратимыми. Экономисты старшего поколения выражали все более заметную обеспокоенность распространением в вузах практики преподавания западных учений в ущерб нормативной политэкономии. **Власти приняли меры поддержки марксистских экономических исследований. Опасность вытеснения марксизма современной западной экономической наукой миновала, оба течения вступили в период параллельного развития:** их представители входят в разные профессиональные сообщества, проводят собственные конференции, печатаются в разных научных изданиях.

Все более заметным становится возрождение интереса к наследию китайской экономической мысли минувшего столетия и к экономическим идеям, сформулированным в ходе нескольких тысячелетий развития китайской культуры. Сначала в поле зрения исследователей попали труды китайских марксистов, оказавших влияние на формирование идеологии начального периода реформ (Сунь Ефан, Сюэ Муцяо). Следующим шагом стала позитивная переоценка наследия китайской «буржуазной» экономической науки первой половины XX века, содержавшей осмысление опыта развития рыночной экономики в республиканском Китае. Внимательное изучение материалов той эпохи показало, что многие проблемы, стоявшие перед китайской экономической наукой, сохраняют актуальность и в наши дни, включая ее соответствие западным научным стандартам, использование зарубежных экономических теорий для решения проблем Китая, интернационализацию научных достижений. Современное звучание обрела идея создания «китайской экономической науки», которую марксист Ван Янъань предложил еще в 1940-е годы.

Взаимоотношения между тремя течениями экономической мысли — марксизмом, западной наукой и китайскими традиционными идеями становятся все менее напряженными. Ушли в прошлое достигшие пика на рубеже XX и XXI веков споры о необходимости «полного заимствования» западной экономической науки или, напротив, об ограничении сферы ее применения по причине неспособности иностранных теорий решить насущные проблемы Китая. Нормативная «политэкономия социализма с китайской спецификой» готова использовать достижения западной экономической науки, при этом марксизм сохраняет за собой статус руководящей теории.

Стремление повысить мировой статус китайской экономической науки оказывает заметное влияние на исследовательскую работу. В качестве примера можно упомянуть фундаментальную «Историю экономической мысли в новой редакции» в одиннадцати томах под редакцией Гу Хайяна и Янь Пэнфэя. Структурно книга построена вокруг трех линий развития мировой экономической мысли — западной, марксистской и китайской. Примечательно, что в этой работе китайская экономическая мысль выступает и как исходная древняя историческая точка в развитии мировой экономической мысли, и как венец синтеза трех традиций в период реформ и открытости в КНР.

Провозглашенный в 2016 г. Си Цзиньпином лозунг создания общественных наук с китайской спецификой способствовал усилению марксистского и китайского традиционного компонентов в экономической науке. В преддверии 40-летия политики реформ и открытости были поставлены задачи системного обобщения накопленного опыта и вы-

явления закономерностей в интересах развития экономической науки с китайской спецификой. Эта наука призвана ориентироваться на решение проблем Китая, она должна выражать китайский взгляд на вопросы национального и глобального экономического развития, способствовать выдвиганию китайских планов решения экономических проблем и укреплению «права голоса» китайской экономической науки на мировой сцене.

Устремленность к соответствию западным стандартам изменила облик ведущих китайских экономических журналов, где произошло вытеснение общих теоретических публикаций специализированными текстами, наполненными математическими моделями. Приоритет создания общественных наук с китайской спецификой способствовал возвращению на страницы профессиональной экономической периодики текстов идейно-политического характера, которые появляются в современном научном обрамлении. В качестве примера можно упомянуть статью Лю Вэя «Внутренняя логика экономических идей Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи» («Цзинцзи яньцзю», 2018, № 5), сопровождающуюся развернутой аннотацией на английском языке и набором классификаторов JEL (Journal of Economic Literature) по системе Американской экономической ассоциации.

Представленные в декабре 2017 г. на совещании ЦК КПК по экономической работе «экономические идеи Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи» стали важной вехой в развитии нормативной идеологии. Эти идеи включают в себя тезисы о необходимости усиления партийного руководства экономической работой, призывают помещать интересы народа в центр экономического развития, указывают на необходимость адаптации к «новой нормальности» замедления темпов роста ВВП, требуют придерживаться решающей роли рынка в размещении ресурсов и совершенствовании макроконтроля. Придание «экономическим идеям Си Цзиньпина» статуса «теоретической quintessence, двигающей практику экономического развития» и «новейшего результата политэкономии социализма с китайской спецификой» окажет несомненное влияние на содержание дальнейших исследовательских поисков, осуществляемых представителями китайского экономического мейнстрима.

Почти четверть века назад в 1994 г. авторитетный экономист Линь Ифу опубликовал обретшую известность статью, в которой указал на необходимость движения китайской экономической науки в направлении «отуземливания» (*бэньтухуа*), соответствия научным стандартам (*зуйфаньхуа*) и интернационализации (*гоцзихуа*). В ней он предположил, что XXI век станет веком китайских экономистов, которые смогут создать новые теории благодаря сопричастности грандиозным экономическим преобразованиям в Китае.

Сопоставив свои былые ожидания с реальностью сегодняшнего дня, Линь Ифу заметил, что в сфере стандартизации научных экономических публикаций достигнут ощутимый прогресс. Наметилось заметное продвижение в сфере интернационализации: китайские ученые публикуют за рубежом все больше статей. Однако говорить о наступлении «века китайских экономистов» еще рано. Новые идеи и концепции, способные вызвать международный интерес, пока в Китае не появились. Проблема заключается в том, что многочисленные статьи китайских экономистов в авторитетных научных журналах, как правило, проверяют на китайском материале западные гипотезы либо развивают их. Такой путь облегчает публикацию статей за рубежом, но мешает появлению авторитетных ученых, способных обрести влияние в мировых экономических кругах.

Линь Ифу указал на три источника обновления китайской экономической теории — это опыт китайской практики, основные принципы исторического материализма Маркса и исследовательская парадигма современной экономической науки. Достижения Китая за годы реформ трудно описать имеющимися теориями, поэтому добиться научного успеха можно путем создания новых концепций исходя из новых явлений. Учение Маркса о базисе и надстройке напоминает, что базис развивающихся и развитых стран отличается, поэтому институты надстройки тоже не могут быть одинаковыми. По мне-

нию Линь Ифу, при всей важности марксизма китайским ученым нужно научиться излагать свои трактовки китайских явлений с помощью общепринятых моделей, чтобы их поняли экономисты из других стран, не имеющие марксистской подготовки.

С учетом идеологических ограничителей и трудностей в продвижении творческих научных поисков достижение этих целей может потребовать немало времени. Однако обозначенный Линь Ифу комплекс «отуземливания», стандартизации и интернационализации продолжит играть роль ведущего целеполагающего фактора в развитии китайской экономической науки.

В.В. Чуванкова:

За прошедшие 40 лет Китай добился огромных успехов как в экономической, так и в социальной сферах, и стал второй экономикой мира. На сегодняшний он является важнейшим стабилизатором и драйвером мирового развития, его вклад в рост мировой экономики превышает 30%.

Безусловно, эти успехи были обеспечены реформенными преобразованиями, начавшимися в стране после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), и стали результатом экономической политики, направленной на сочетание государственного руководства с планомерным внедрением рыночных механизмов в хозяйственной сфере.

Важную роль в осуществлении реформ сыграло возрождение многоукладной структуры экономики и поощрение предпринимательской активности в многообразных формах ее проявления. Поступательное развитие мелкого и среднего бизнеса, основной составляющей которого являются индивидуальные и частные предприятия, показало свою жизнеспособность и производственную эффективность. Являясь субъектами самостоятельного функционирования на базе полной самокупаемости и самофинансирования, будучи ориентированными непосредственно на рынок, такие производственные единицы полностью вписались в сферу действия концепции рыночной экономики, выбранной в Китае в качестве стратегического курса в условиях строительства «социализма с китайской спецификой».

Индивидуальная и частная форма хозяйствования стали наиболее динамичной составляющей китайской экономики. Они являются не только движущей силой в экономическом развитии страны, но и играют важнейшую роль в поддержании социальной стабильности в обществе, став основным каналом расширения занятости в условиях избытка трудовых ресурсов, важным источником независимых инвестиций, локомотивом инновационного развития, повышения уровня благосостояния граждан и борьбы с нищетой. Они активно участвуют в осуществлении модернизации реального сектора экономики и реструктуризации предприятий общественной формы собственности.

В настоящее время на долю частного сектора приходится свыше 60% ВВП, около 50% налоговых поступлений в бюджет государства, 60,4% общего объема инвестиций в основные фонды (без учета крестьянских дворов), свыше 70% инновационной продукции, изобретений и технических новинок. Его доля в общей численности занятого населения достигла 43,9%. Для сравнения: вклад малого и среднего предпринимательства в ВВП России составляет около 20%, в занятость — 25% (19 млн человек), общее количество предприятий — 5,7 млн.

Величина зарегистрированного уставного капитала индивидуальных и частных предприятий превысила 165 трлн юаней, что почти в 1,5 раза превосходит общие активы государственных предприятий. Активное перемещение предпринимательства в третий сектор экономики повысило удельный вес индустрии услуг в ВВП до 51,6%. Рост доходов населения, в том числе за счет самозанятости, увеличил вклад потребления в экономический рост до 58,8%⁸. На фоне стимулирования массовой предпринимательской деятельности инновационного типа продолжал наращиваться инновационный потенциал страны. Вклад научно-технического прогресса в экономический рост увеличился до 57,5%, наукоемкость ВВП в масштабе всей страны достигла 2,12%⁹.

В начале 2018 г. в стране было зарегистрировано 65,79 млн индивидуальных и 27,26 млн частных предприятий. На их долю приходилось 94,8% от общего числа хозяйственных субъектов рынка. Они обеспечили стабильное трудоустройство и заработок более 340 млн человек¹⁰. В дореформенный период в городах и поселках Китая насчитывалось всего 150 тыс. индивидуальных тружеников, занятых в кустарной промышленности и торговле. Удельный вес их хозяйств в валовой промышленной продукции и розничном товарообороте составлял менее 0,1%.

В настоящее время на долю средних, малых и микропредприятий в Китае приходится 99% общего числа зарегистрированных в промышленно-торговой системе субъектов хозяйствования, причем подавляющая их часть — 94,2% — это малые и микропредприятия¹¹. 70% городских жителей и свыше 80% рабочих-мигрантов заняты на мелких и микропредприятиях¹².

Структура малых и микропредприятий дифференцирована по формам собственности. Основная форма частных предприятий — малые и микропредприятия. На них приходится 80,7% частных предприятий, причем 85% из них — микропредприятия, 15% — мелкие. Доля малых и микропредприятий среди государственных и коллективных предприятий составляет 61,4%. Среди предприятий, основанных на иностранном капитале, — 53,9%¹³. Индивидуальные же предприятия, в соответствии с классификацией в «Стандартных требованиях к крупным, средним, малым и микропредприятиям в различных отраслях экономики», фактически все относятся к категории микропредприятий, поскольку в основной своей массе они используют менее 10 наемных работников, а их доходы от хозяйственной деятельности — менее 1 млн юаней.

Новый импульс развитию частного предпринимательства придали решения 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.), XIX съезда КПК (2017 г.) и очередных сессий ВСНП 12-го и 13-го созыва (март 2014 г. — 2018 гг.), направленные на активизацию политики поощрения среднего, малого и микробизнеса как важнейшего элемента в обеспечении экономического роста страны, создания новых рабочих мест, увеличения налоговых поступлений в бюджет, продвижения технологических инноваций.

Китайское правительство предпринимает беспрецедентные усилия, чтобы стимулировать экономический рост предприятий малого и среднего бизнеса. Поддержка массового мелкого и инновационного предпринимательства становится приоритетом хозяйственной политики КНР на новом этапе экономических реформ. Разрабатываются специальные программы для их поддержки, совершенствуются нормативно-правовые акты, регулирующие порядок льготного налогообложения и финансовой поддержки малых и микропредприятий. Много делается для создания равных возможностей с другими субъектами хозяйствования в области расширения сфер деятельности, распределения ресурсов и кредитования, модернизации производства, внедрения информационных и наукоемких технологий, выхода на внутренний и зарубежный рынки.

Анализ практики китайских реформ показывает, что создание благоприятной политической, экономической и институциональной среды для ускоренного развития частного предпринимательства во всех его многообразных формах с упором на национальный мелкий и средний бизнес стало важнейшим источником роста экономического и инновационного потенциала страны, снижения уровня безработицы, повышения качества жизни широких слоев населения, формирования среднего класса.

Обобщение опыта развития индивидуальных и частных предприятий в КНР, государственной и законодательной поддержки малого и среднего бизнеса может представлять определенный научный и практический интерес при разработке программы поддержки и развития мелкого предпринимательства в России.

Л.Д. Бони:

Экономическая реформа в китайской деревне явилась началом целого этапа экономических реформ и политики открытости в Китае, сама оказавшись успешной.

Ее главным результатом было создание в ходе ликвидации системы «народных коммун» новой *основной хозяйственной системы в деревне*, базирующейся на общественной собственности на землю (в коллективной ее форме) и земельных подрядных отношениях. На этой основе в сельском хозяйстве сформировалась новая *двухступенчатая система хозяйствования*, увязывающая семейное хозяйство подрядного двора (1-я ступень) и коллективное хозяйство (2-я ступень), функционирующая на основе земельного подряда и принципа уравнительного распределения земли между дворами («по едокам») (1978–1983 гг.). Эта двухступенчатая система хозяйствования возникла на основе разделения имущественного права на *право собственности* на землю и *право пользования* землей (*концепция разделения на два права*), где право собственности было передано коллективу крестьян (коллективной хозяйственной организации в деревне), а право пользования — крестьянам.

Закрепление земли за крестьянским двором (соединение работника со средствами производства) и восстановление *семейного хозяйства* как основной формы ведения хозяйства в наибольшей степени отвечали специфике и условиям сельскохозяйственного производства страны тех лет, во-первых. Во-вторых, переход к «*да баогань*», или *системе производственной ответственности с подрядной системой в основе*, создал новые стимулы материальной заинтересованности крестьян: прибыль после расчета с государством (выполнение заданий по обязательным закупкам зерна) и коллективной организацией (отчисления в общественные фонды), остается производителю. В-третьих, *принцип уравнительного распределения земли при подряде (по «едокам»)* как проявление идеи справедливости был всячески поддержан крестьянами. Эти факторы обеспечили резкий рост интенсификации простого труда, высокие темпы развития производства и роста доходов, позволив уже в первые годы реформы в основном решить «*проблему тепла и сытости*».

При этом имущественные права крестьян оказались ограниченными, а понятие субъекта коллективной собственности — неопределенным. С годами эти особенности системы хозяйствования привели к падению материальной заинтересованности крестьян в развитии производства, а принцип уравнительного распределения земли (с ростом сельского населения при ограниченной пашне) — к дальнейшему сокращению размера земельного надела двора, снижению его возможности обеспечить существование производителя и его семьи.

В общем и целом, несмотря на эти и другие объективные и субъективные факторы, сдерживавшие необходимое ускорение темпов развития аграрной сферы, сложившаяся система хозяйствования смогла выполнить свои задачи, обеспечив три важных результата, что в Китае справедливо называют большим успехом.

Первый — **решение проблемы продовольственной безопасности Китая в количественном плане**. Комплексный потенциал производства зерна превысил 600 млн т, оставаясь таким уже несколько последних лет подряд, а размер производства зерна на душу — 450 кг¹⁴. На первое место вышла проблема качества и многообразия ассортимента, но это уже задача следующего, нового этапа развития. Согласно недавно опубликованной *Программе стратегии подъема деревни* на первом этапе (2018–2022 гг.) целевым показателем комплексного потенциала производства зерна остается та же цифра — «более 600 млн т»¹⁵.

Второй — существенно улучшилась жизнь крестьян, налицо **тенденция последовательного, хотя и неравномерного, роста доходов сельского населения Китая в течение 40 лет реформ**. Согласно данным ГСУ КНР, темпы роста душевого чистого располагаемого дохода населения деревни, с учетом фактора цен, составили: за 1978–1991 гг. 9,3%, 1992–2000 гг. 4,9%, 2001–2017 гг. 8,0%, (города, за те же периоды, соответственно: 6,0%, 6,7%, 8,5%)¹⁶. Несомненно, важную роль в достижении этих целей сыграла *политика поддержки и защиты сельского хозяйства*, особенно с 2004 г.

Третий — сельское хозяйство, деревня, крестьяне внесли огромный вклад в развитие реформ и национальной экономики высокими темпами и превращение Китая в одну из ведущих держав, что неоднократно отмечал Председатель КНР Си Цзиньпин. Этот вклад — дешевая рабочая сила, дешевая земля и весомые финансовые средства, т.н. *земельные финансы*¹⁷, получаемые государством для нужд индустриализации и урбанизации.

В 40-летнем периоде реформ исключительно важным, наряду с первым, представляется последнее пятилетие (2012–2017 гг.) — от XVIII до XIX съезда КПК, когда были выдвинуты задачи и комплексная программа углубления реформ в деревне, ускорения модернизации сельского хозяйства, направленные на последовательную смену модели развития аграрной экономики, поиски новых движущих сил развития, подготовку условий для перехода от экстенсивного к интенсивному способу производства и формирования системы современного сельского хозяйства.

Из десяти направлений реформ в деревне, выдвинутых XVIII съездом КПК, центральное место занимает земельная реформа.

С конца 2016 г. в деревне развернулась долгосрочная *структурная реформа сферы предложения сельхозпродукции*, направленная на преодоление дисбаланса спроса и предложения важнейших видов продовольственных и технических культур, повышение качества и эффективности, снижение себестоимости во всех звеньях общественного производства (производство, обращение, импорт-экспорт, резервы), на переход к новой модели развития агросферы. Ее концепция — ориентация на рыночный спрос и предложение.

XIX съезд КПК включил все направления углубления реформ в деревне в программу новой аграрной стратегии — *стратегии подъема деревни* (2018–2050 гг.), что фактически открывает начало широкомасштабного системного развертывания реформ в деревне в общенациональном масштабе уже с 2018 г. Среди этих реформ в качестве первостепенных указаны следующие: 1) укрепление и совершенствование основной хозяйственной системы в деревне, стабилизация подрядных отношений; 2) углубление реформы земельной системы в деревне, включая реформу системы реквизиции земли, введение коллективной земли в рынок, реформу системы коллективной земли под жилыми строениями; 3) углубление реформы системы имущественного права на коллективное имущество в деревне; 4) совершенствование системы поддержки и защиты сельского хозяйства. Таким образом, ближайшие годы должны стать свидетелями самого активного развития и «прорывов» в реализации всего комплекса реформ в деревне.

Принцип незыблемости общественной формы собственности на землю в деревне в форме коллективной собственности — краеугольный камень аграрной политики КПК, основа хозяйственной системы в деревне, «главная линия» всех сельских реформ сегодня и в перспективе.

За 40 лет реформ в деревне не удалось добиться должного развития коллективной ступени экономики, которая не смогла обеспечить долгосрочную материальную заинтересованность крестьян. В значительной части районов она оказалась слабо развитой или вообще отсутствовала, основной формой хозяйствования была и остается 1-я ступень — семейное хозяйство крестьянского двора (свыше 200 млн единиц). Однако отсутствие производственной функции у 2-й ступени (коллективной хозяйственной организации) не мешало осуществлению ею другой функции — распределения и перераспределения, т.н. урегулирования, коллективной земли по подряду между членами коллектива, контроля за использованием коллективной земли, подрядными отношениями.

Сохранение коллективной формы собственности на землю в деревне в условиях дефицита пашни при избытке населения имело свои большие плюсы, позволив:

– сохранить пашню за всеми крестьянами, и, таким образом, гарантировать минимальный уровень существования для сельского населения, т.е. обеспечить социальную функцию земли и стабильность деревни;

– сохранить и защитить пахотный клин страны как основу обеспечения продовольственной безопасности страны от растаскивания в условиях развития рынка («красная черта» размеров пашни — в 120 млн га — сохранена);

– одновременно осуществлять контроль за использованием сельских земельных ресурсов, в т.ч. для особых общественных нужд страны. Так, при решении проблемы бедности это позволяет сегодня эффективно осуществлять реализацию десятилетней государственной программы переселения 10 млн человек беднейшего сельского населения из экологически опасных районов в места с более благоприятными природными и производственными условиями.

Однако одновременно это обеспечивает право и возможность государству использовать коллективную землю в деревне для нужд индустриализации и урбанизации в форме выделения земли под строительство и в форме финансов (как поступления от прироста добавленной стоимости земли при ее возмездной уступке на рынке, или земельной ренты, известных как «земельные финансы»). Хотя это формально разрешено существующим земельным законодательством, тем не менее в реальности, по мнению китайских ученых, серьезно ущемляет экономические интересы деревни, крестьян: размер возмещения за землю крестьянам крайне занижен, доля поступлений от «земельных финансов» в пользу коллектива крестьян мала (3–5%).

XVIII съезд КПК обновил концепцию нового раунда реформы земельной системы в деревне, декларировав **незыблемость коллективной собственности на землю, укрепление и развитие коллективной экономики, поиски новых форм ее реализации, оживление коллективного имущества, превращение его в новый и важнейший источник доходов крестьян**. Это — фактически главная задача реформы системы имущественного права на коллективное имущество в деревне.

Теоретическая основа концепции земельной реформы первых лет (1978–1983 гг.) — *«разделение двух прав»* переросла сегодня в принцип *«разделения трех прав»*: сохранение коллективной собственности на землю — стабилизация права подряда — оживление права хозяйствования, формирование на этой основе субъектов новых форм хозяйствования в производстве и сфере услуг — создание таким образом многоосновной (т.е. многоукладной) современной хозяйственной системы агросферы и развитие масштабного хозяйства. Это — задача реформы хозяйственной системы аграрной экономики.

Следует особо подчеркнуть, что стратегия углубления реформ в деревне одновременно призвана решить задачу повышения жизнеспособности и эффективности общественной формы собственности (в форме коллективной собственности в деревне) в условиях рыночной экономики Китая, обеспечивать ее «совместимость» с рынком. Как заметил известный китайский ученый-аграрник Лю Шоунин, сама форма коллективной собственности как экономическая категория досталась Китаю от Советского Союза. И реформа земельной системы в китайской деревне сегодня не может пройти мимо решения этой важной теоретической и практической проблемы.

Переход к рынку в аграрной сфере, что само по себе было чрезвычайно необходимо, был *постепенным и дифференцированным*. Либерализовав цены на конкурентоспособные виды продукции (овощи, фрукты, рыбное хозяйство, животноводство), государство оставило свой контроль и защиту в отношении важнейших видов продовольствия (все зерновые), технических культур (хлопок, масличные, табак, чай), сохранив их закупки и хранение государственными закупочными организациями, введя минимальные закупочные цены на зерно, систему дотаций и прочее, что стимулировало рост доходов крестьян и производства зерна, фактически позволив решить проблему продовольственного обеспечения в количественном плане. Хотя при этом были неизбежные издержки: отсутствие рыночного регулирования привело к т.н. перевернутости цен, структурным диспропорциям и др. И только с конца 2016 г. т.е. лишь 15 лет спустя после вступления в ВТО началась *структурная реформа в сфере предложения сельхозпродукции*, в рамках

которой осуществляется постепенный перевод основных видов продукции в формат открытого рынка (начали с кукурузы, соевых бобов, рапса и хлопка).

Одним из примеров богатого опыта реформы в деревне в китайской прессе названа политика «*оптимизации распределения ресурсов между сельским хозяйством и другими отраслями экономики Китая*». Этот вывод принадлежит китайскому специалисту Вань Баожую (одно время и.о. заместителя министра сельского хозяйства Китая), который в газете «Жэньминь жибао» обосновывает его так: «Со времени реформы от установки «деревня поддерживает город» перешли к установке «промышленность стимулирует сельское хозяйство, город ведет деревню», а затем к установке «интеграционное развитие города и деревни», *таким образом политика ЦК КПК сыграла важную направляющую роль в оптимизации размещения ресурсов между разными отраслями*¹⁸. Можно видеть, что свой вывод автор делает лишь на основе смены политических установок, как указателей смены курса, без реального анализа фактов. Не секрет, что установка «деревня поддерживает город» была принята еще в середине 50-х годов XX века, отражая стратегию индустриализации с опорой на мобилизацию внутренних накоплений в деревне, и эта установка была жестче и длиннее: «...брать больше, давать меньше, управлять жестче». И только в 2004 г. спустя более 50 лет на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва была выдвинута задача изменения отношений между городом и деревней и принят курс на их «согласованное развитие» с новой установкой: «меньше брать, больше давать, оживлять», «промышленность отдает долги сельскому хозяйству, город поддерживает деревню». И хотя определенное движение в этом направлении началось, но провозглашенный курс оказался трудно реализуемым, новые установки не изменили в целом положение вещей, о чем свидетельствуют китайская статистика, реальные факты состояния деревни и мнения китайских ученых. Именно поэтому XIX съезд КПК (2017 г.) поставил задачу переформатирования отношений между городом и деревней с установкой на «интегрированное развитие города и деревни», задачу, которую только предстоит решить в ходе реализации *стратегии подъема деревни* (до 2050 г.). Это не положительный опыт, а просто вынужденная мера правительства, используемая намного дольше необходимого срока.

Е.И. Кранина:

Долгое время Пекин жертвовал решением экологических проблем ради высоких темпов экономического роста. В последние годы эта ситуация начала меняться. **Руководство взяло курс на фундаментальное решение экологических проблем: соблюдение баланса между экономическим развитием и защитой окружающей среды; проведение реформы права в сфере экологии; внедрение «зеленых» стратегических отраслей и разработка новых, более совершенных инновационных технологий;** массированный перевод промышленности с Востока на Запад, с обеспечением экологической защиты принимающих территорий.

Экологическая составляющая занимает все более важное место в развитии традиционных отраслей. Самый крупный сектор глобального экологического рынка — низкоуглеродные и энергоэффективные технологии. Использование современных экологических и одновременно экономически выгодных технологий позволяет не только модернизировать производство и сократить издержки, но и увеличить прибыль. Государственная поддержка «зеленых» инноваций осуществляется в форме грантов малым и средним предприятиям, учреждениям и специализированным институтам.

Новая система экологического регулирования нацелена на снижение уровня загрязнения природных ресурсов, продвижение чистых технологий в производство и создание так называемого зеленого налогообложения. Кроме того, разрабатывается система рыночных экологических платежей за выбросы, включая диоксиды серы (SO₂) и азота (NO₂), другие загрязнители, а также внутреннюю схему торговли квотами. В Программе 13-й пятилетки поставлена задача снижения объема расходов энергии на единицу ВВП, а также объема расходов воды и снижение загрязнений примерно на 15%, 23% и 18% соответственно.

Для стимулирования природоохранных мероприятий предусмотрены: постепенный переход к системе рентных платежей; включение в экономические показатели полной стоимости природных объектов с учетом их средообразующей функции, а также природоохранных работ; создание механизма взимания с хозяйствующих субъектов, эксплуатирующих природные ресурсы, платежей и их использование на сохранение и восстановление природной среды, в том числе биоразнообразия; введение ответственности за произведенный продукт на всех стадиях. Предоставляется ряд льгот предприятиям, занимающимся сбором и комплексным использованием возобновляемых ресурсов, выпуском природоохранного промышленного оборудования и продукции с использованием жидких, газообразных и твердых отходов.

Развитие «зеленых финансов» является приоритетом в 13-й пятилетке: создан «Фонд зеленого развития», «зеленая финансовая система», которая включает отдельную систему кредитования, свой рынок ценных бумаг, особый фондовый индекс «зеленых акций» и соответствующей продукции, а также механизм «зеленого страхования». Планируется установить систему «экологического аудита». Банковские учреждения призваны оказывать большую поддержку «дружелюбным по отношению к экологии» предприятиям, а политика «зеленого кредита» должна служить стимулом экологически чистого производства.

Госсовет КНР ввел стандарт «Экологическая Красная черта» в 15 провинциях и районах Китая. Среди них район Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй, экономический пояс бассейна реки Янцзы и Нинся-Хуэйский автономный район. Цель — защита и восстановление окружающей среды в этих ключевых территориях. В пределах охранных зон «освоение», то есть разрывание хозяйственной деятельности, запрещено.

Согласно плану Госсовета, к концу 2018 г. стандарты «Экологической Красной черты» должны быть введены в остальных 16 провинциях и районах материкового Китая. Стратегия охватит регионы с важными экологическими функциями, включая природные заповедники провинциального и национального назначения, природные достопримечательности, уникальные геологические объекты и т. д. Помимо этого, к концу 2020 г. будет создана платформа для мониторинга и контроля «Экологической Красной черты».

В отдельных регионах до конца 2020 г. будут введены обязательные минимальные экологические стандарты. Для достижения поставленных целей предусматриваются меры по 10 направлениям, включая всесторонний контроль за выбросом загрязняющих веществ, продвижение трансформации экономической структуры, усиление сбережения и охраны водных ресурсов, усиление научно-технической поддержки, выявление роли рыночного механизма, усиление контроля за исполнением законов о защите окружающей среды и т.п.

В октябре 2017 г. был принят и обнародован базовый совместный документ ЦК КПК и Госсовета в области экологии сельскохозяйственного производства. Это первый документ подобного рода, принятый высшими органами власти. Главная цель — сохранение обрабатываемых земель и недопущение ухудшения их качества. Общая площадь пашни к 2020 г. должна составить не менее 124 млн га («Красная линия»), из них 53 млн га — качественные продуктивные, гарантирующие стабильные урожаи земли. Документ также ставит задачу свести на нет рост использования химических удобрений и пестицидов при выращивании основных сельскохозяйственных культур. Предполагается создать 40 пилотных экспериментальных зон устойчивого развития сельского хозяйства.

Согласно актуализированному «Правилам по оценке ответственности региональных правительств за сохранение пахотных земель», народные правительства провинций, автономных районов и городов центрального подчинения Китая несут прямую ответственность за объемы пахотных земель, площадей защитной зоны неизменных основных пахотных земель и за соблюдение высоких стандартов земледелия. Главы провинций, автономных районов и городов центрального подчинения являются прямыми ответственными лицами за исполнение вышеуказанных норм и правил. «Правила по оценке ответ-

ственности региональных правительств за сохранение пахотных земель» утверждены Госсоветом КНР и опубликованы 8 января 2018 г.

На главное место выдвинута реформа экологического законодательства. Она проходит в три этапа. На первом — устраняются накопленные в законодательстве пробелы и противоречия. На втором — проводится перестройка действующей экологической правовой системы. На третьем — идет внедрение новой системы экологических правоотношений — переход количества принятых законов в качество их исполнения.

С 1 января 2015 г. вступил в силу новый исправленный и самый строгий за всю историю Закон КНР об охране окружающей среды. На этом этапе важнейшее значение придается не только законодательной работе, но и исполнению Закона на практике: созданию механизма вертикального подчинения природоохранных органов ниже провинциального уровня в их работе по контролю, надзору и исполнению законов. Новый Закон дает возможность создавать особые зоны, закрытые для производства загрязняющей промышленности. Внесены серьезные поправки в законы о борьбе с загрязнением атмосферы, вод и почв. Закон о борьбе с загрязнением почв вступит в силу 1 января 2019 г. Закон предусматривает проведение общенациональной переписи состояния почв не реже одного раза в 10 лет.

С 1 января 2018 г. в Китае вступил в силу Закон о налоге для защиты окружающей среды. Согласно этому закону взимается экологический налог, а плата за сброс загрязняющих веществ отменена. Госсовет выпустил оповещение, в котором четко отмечено, что налог для защиты окружающей среды входит в доходы, направляемые местным правительствам.

Также с 1 января 2018 г. вступил в силу «Проект реформирования системы возмещения экологического ущерба». Таким образом, по всей стране осуществляется пилотная система возмещения экологического ущерба. По заявлению Центральной экономической рабочей конференции, состоявшейся в декабре 2017 г., борьба с загрязнением является одной из трех «важных сражений», которые китайское правительство намерено выиграть в ближайшие 3 года.

В 2018 г. завершилось формирование административной системы охраны водных ресурсов: вступил в действие Закон о предупреждении и борьбе с загрязнением водных объектов, принятый Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 27 июня 2017 г. Согласно новому закону правительственные чиновники и партийные начальники на местах назначаются «управляющими реками» и несут индивидуальную ответственность за их состояние.

Все возрастающие инвестиции в экологию, создание глобальных проектов, предусматривающих широкую международную кооперацию, свидетельствуют о том, что руководство Китая готово решительно защищать окружающую среду, создавая условия для «устойчивого развития» и построения «экологической цивилизации». Период реализации 13-й пятилетки является ключевым для внедрения наиболее эффективной модели экологического развития КНР, но ликвидировать затяжной экологический кризис в стране планируется лишь к 2035 г.

А.В. Афонасьева:

Вопрос о необходимости работы с соотечественниками за рубежом был официально озвучен Дэн Сяопином еще на XI съезде КПК в 1977 г., и можно сказать, что с началом политики реформ и открытости в 1978 г. работа с диаспорой стала важной частью внутренней и внешней политики КНР.

Основной задачей диаспоральной политики в первые годы реформ стало привлечение капиталов зарубежных соотечественников, объем которых по состоянию на 1978 г. оценивался в 1,5 трлн долл. Проводилась работа с 60-миллионной китайской диаспорой с целью показать новые возможности ведения бизнеса в КНР, были приняты специальные нормативные документы, регулирующие вопросы инвестирования зарубежных китайцев в Китае (т.е. зарубежные китайцы получили дополнительные льготы

перед иностранными инвесторами). Даже первые специальные экономические зоны (СЭЗ) были открыты в провинциях, относящихся к малой родине эмигрантов (*цяосян*), таких, как Гуандун, Фуцзянь, Хайнань (приморские районы).

Эта политика дала свои результаты, в первые годы реформ южные приморские провинции поднялись в основном благодаря инвестициям зарубежных китайцев, доля которых в общем объеме прямых иностранных инвестиций в этих районах была близка к 100%, а по всему Китаю этот показатель составил 71,8%, или 18 млрд долл. в 1979–1991 гг. Инвестиции шли в основном через Гонконг, главным образом в обрабатывающую промышленность (трудоемкое производство экспортной продукции). За этот период зарубежный китайский бизнес эволюционировал от посреднических функций (предприятия, занимающиеся переработкой давальческого сырья, материала, сборочными работами и ведущими компенсационную торговлю) к самостоятельной деятельности (совместные предприятия, предприятия со 100% капиталом зарубежных китайцев). Период 1992–1998 гг. характеризуется существенным ростом, по сравнению с предшествующими годами, интереса зарубежных китайских предпринимателей к ведению бизнеса в КНР, сохранением ориентации на трудоемкое производство экспортной продукции, объем их инвестиций составил 146,5 млрд долл., или 60,5% всех ПИИ. Территориальное направление инвестиций расширилось к северу от провинций Гуандун и Фуцзянь. С 1998 г. основная часть инвестиций шла не только через Гонконг, Макао и ЮВА, но и через офшорные зоны (Виргинские о-ва, Каймановы о-ва и др.) В 1999–2000 гг. можно наблюдать снижение объемов инвестиций зарубежных китайцев в КНР как результат сокращения капиталов хуацяо в ряде стран и регионов после азиатского финансового кризиса. В 2001–2007 гг. рост инвестиций хуацяо сопровождается увеличением стоимости отдельных проектов. Повышается доля капиталоемких экспортных производств и инвестиций на севере страны.

В 2000-х годах руководством КНР была разработана новая модель экономического развития, предполагающая формирование эффективной и конкурентоспособной экономики, развитие сферы услуг, курс на отечественные инновации, развитие внутреннего рынка, развитие западных и внутренних районов Китая, была объявлена внешнеэкономическая стратегия «выхода за рубеж».

Диаспоральную политику подстроили под новую модель.

1. Отмена льгот для низко технологичных компаний зарубежных китайцев в приморских районах.

2. Сохранение льгот для низко-технологичных компаний зарубежных китайцев в западных и внутренних районах.

3. Сохранение льгот для высокотехнологичных компаний зарубежных китайцев в приморских районах.

4. На зарубежных китайских (как и на местных) предпринимателей распространяется новый закон о труде, обязывающий работодателей достойно оплачивать труд рабочих и соблюдать их права, и налог на защиту окружающей среды.

5. **В 2000-е годы в целом была разработана и успешно реализована политика возвращения из-за рубежа высококвалифицированных китайских специалистов**, включающая: научные программы, гранты и открытие специальных технопарков для этих специалистов, проведение ярмарок вакансий в Китае и за рубежом, бизнес конференций и форумов, создание рекрутинговых компаний, занимающихся этими специалистами.

6. Зарубежную китайскую диаспору стали активно привлекать к участию в реализации стратегии «выхода за рубеж».

Все это привело к тому, что если до 2000 г. в отраслевой структуре инвестиций преобладало трудоемкое производство экспортной продукции, то с 2001 г. начался **частичный переход на капиталоемкое производство экспортной продукции**. С 2008 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом и новыми условиями

ведения бизнеса в Китае наблюдается переход от трудоемкого к капиталоемкому и высокотехнологичному производству, переориентация с внешних рынков на внутренний рынок КНР, активное освоение сферы услуг, миграция бизнеса из приморских районов во внутренние и западные районы Китая. Объем зарубежных китайских инвестиций в 2001–2012 гг. вырос с 24,5 до 67 млрд долл.

В 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином была объявлена инициатива «Один пояс, один путь» (ЭПШП и МШП-21). Зарубежным китайцам в этой инициативе также отводится важная роль — инвесторов, поставщиков экспортной продукции, консультантов и лоббистов. Их участие можно наблюдать практически на всех участках сухопутного и морского Шелкового пути. На территории КНР ежегодный объем их инвестиций в 2013–2017 гг. составлял порядка 60 млрд долл., хуацяо инвестировали во все города, провинции и автономные районы, через которые проходят маршруты «пояса и пути». В пров. Чжэцзян, Гуандун, Фуцзянь и Хайнань, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе традиционно сильно влияние хуацяо, так как эти территории исторически являются малыми родинами эмигрантов (*цяосян*), заметно экономическое влияние хуацяо и районе кольца Бохайского залива.

В странах, через которые проходит ЭПШП, без учета экспатов, проживает порядка 1–1,2 млн зарубежных китайцев — это 1,7–2% всей китайской диаспоры за рубежом. В странах маршрута МШП-21 проживает порядка 36,3 млн хуацяо — 79% всей диаспоры (из них 75% в странах ЮВА).

На долю стран — участниц ЭПШП приходится порядка 10% (500 млрд долл.), а на регионы МШП-21—41,5% (2,075 трлн долл.) совокупного капитала мировой китайской диаспоры, что многократно превышает объемы и активы всех финансовых организаций, обслуживающих «пояс и путь». Степень экономического влияния хуацяо в странах МШП-21 значительно выше, чем в странах ЭПШП. Компании хуацяо являются полноправными субъектами МШП-21, а в странах ЭПШП они играют весомую, но вспомогательную роль по отношению к государственным и частным предприятиям КНР.

Е.С. Баженова:

В ходе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику «одной семьи», которая рассматривалась как одно из условий быстрого экономического роста. Подчеркивалось, что она была временной, носила экстренный характер, ее целью было противодействие чрезмерному росту населения, который не соответствовал уровню развития производительных сил.

Политика планового деторождения принесла свои результаты: число рождений в год в условиях одной семьи составило в 1990 г. 23,91 млн, в 2000 г. 17,71 млн, в 2010 г. 15,92 млн человек. Рост населения постепенно замедлялся, цель по ограничению численности населения была достигнута, снизилось «демографическое давление» на экономику, социальную сферу, экологию и природные ресурсы, что помогло обеспечить успешный экономический рост.

В настоящее время государственная политика в области народонаселения потребовала изменений с учетом современных реалий страны, после смягчения противоречия между темпами роста населения и темпами экономического роста. Демографическая структура современного Китая претерпела большие сдвиги, а суммарный коэффициент рождаемости снизился до минимально допустимого уровня.

В 2015 г. было объявлено о переходе к политике двухдетной семьи, произошла важная корректировка прежней политики плановой рождаемости, что обусловлено перспективой снижения численности трудоспособного населения и старения населения. В настоящее время в Китае число людей старше 60 лет превышает 200 миллионов. Это каждый седьмой человек, и старение населения стало серьезной проблемой для всего общества.

Новая политика означает, что в ходе 13-й пятилетки будет изменяться демографическая структура КНР. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин определил ориентиры 13-й пятилетки относительно современной китайской семьи: «В стране будет всесторонне реализована политика, позволяющая каждой супружеской паре иметь двоих детей. Благодаря этому будет стимулироваться рождаемость, снизится давление, связанное со старением населения, увеличится численность трудоспособного населения. Все это будет содействовать более сбалансированному социально-экономическому развитию, обеспечит демографический баланс и устойчивость. Корректировка государственной политики подтверждает выверенность стратегических позиций в обеспечении долгосрочного развития китайской нации»¹⁹.

Каковы первые итоги новой политики? В конце 2017 г. Госкомитет по делам здравоохранения и планового деторождения предоставил данные по итогам практической реализации новой политики на основе данных ГСУ КНР — в 2016 г. число рожденных детей составило 17,86 млн, что на 1,3 млн больше, чем в 2015 г., когда родилось 16,55 млн детей. Коэффициент рождаемости вырос с 12,07‰ до 12,95‰, коэффициент естественного прироста с 4,96‰ до 5,86‰ (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения КНР, его структура, демографические и социальные показатели в 2015–2017 гг., млн человек, %

	2015		2016		2017	
	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)	Численность	Доля (%)
Численность населения КНР	1374,62	100	1382,71	100	1390,080	100
Город	771,16	56,10	792,98	57,35	813,47	58,52
Деревня	603,46	43,90	589,73	42,65	576,61	41,48
Мужчины	704,14	51,2	708,15	51,2	711,37	51,2
Женщины	607,48	48,8	674,56	48,8	678,71	48,8
Возрастная структура						
0–15 лет	241,66	17,6	244,38	17,7	247,19	17,8
16–59 лет	910,96	66,3	907,47	65,6	901,99	64,9
Старше 60 лет	222,00	16,1	230,86	16,7	240,90	17,3
Старше 65 лет	143,86	10,5	150,03	10,8	158,31	11,4
Прирост населения на конец года	6,8		8,09(+1,29)		7,37(+0,57)	
Коэффициент смертности	7,11‰		7,09‰		7,11‰	
Число умерших	9,75		9,77		9,86	
Коэффициент рождаемости	12,07‰		12,95‰		12,43‰	
Число родившихся	16,55		17,86		17,23	
Коэффициент естественного прироста	4,96‰		5,86‰		5,32‰	
Число занятых на конец года	774,51		776,03		776,40	
Зарегистрированная безработица в городах и поселках	4,05%		4,02%		3,90%	
Число «и рабочих, и крестьян»	277,47		281,71		286,52	

Источники: Данные ГСУ КНР об итогах развития страны в 2015–2017 гг.

В 2017 г. число рожденных составило 17,23 млн человек, что на 0,68 млн больше, чем в 2015 г. Коэффициент рождаемости вырос с 12,07‰ до 12,43‰, коэффициент естественного прироста с 4,96‰ до 5,32‰.

Политика контроля над рождаемостью, которая проводилась в КНР с 1970-х годов, несомненно, оказала огромное влияние на демографическое развитие Китая. В октябре 2015 г. 5-й Пленум 18-го созыва ЦК КПК объявил о введении политики двухдетной семьи. Всеобщая политика двухдетной семьи последовала за введенным в ноябре 2013 г. разрешением однодетным родителям иметь второго ребенка, если один из родителей был из однодетной семьи. В условиях всеобщей политики ни одна семейная пара не ограни-

чивается в своем желании иметь второго ребенка, и этот сдвиг будет иметь огромное влияние на траекторию демографического развития КНР в долгосрочной перспективе. Число рождений, на которые влияет новая политика рождаемости, очень важно, так как изменения в числе рождений будут определять численность населения КНР и его структуру в последующие десятилетия.

Используя результаты Всекитайского выборочного обследования населения 2014 года, китайские ученые произвели расчеты для оценки числа дополнительных рождений в итоге перехода к политике двухдетной семьи.

Результаты показывают, что общее число дополнительных рождений оценивается примерно в 17,2 млн в 2017–2021 гг. с числом дополнительных рождений в год примерно 1,6–4,7 млн.

Ожидается, что суммарный коэффициент рождаемости (СКР) возрастет от 1,6 в 2016 г. до уровня, близкого к показателю замещения поколений (около 2,1) и затем снизится до прогнозируемого уровня 1,8. Эти изменения окажут влияние на темпы роста населения КНР, численность рабочей силы и долю пожилого населения. Исходя из условий социально-экономического развития КНР, предполагается, что СКР снизится до уровня примерно 1,7 к середине XXI века. При сохранении жесткой демографической политики (ДП) СКР был бы в 2050 г. на уровне 1,4.

По сценарию всеобщей политики двухдетной семьи пик численности населения КНР будет достигнут немного позже — в 2028 г., на три года позже, чем по сценарию без корректировки ДП. Общая численность населения на пике составит 1,45 млрд, на 35 млн больше по сравнению со сценарием без корректировки. Затем Китай вступит в период отрицательных темпов прироста населения, скорость снижения общей численности населения будет медленнее по сравнению с более жестким сценарием. Число жителей КНР будет уменьшаться на 6 млн в год и составит 1,4 млрд в середине XXI века.

Численность рабочей силы в этих условиях возрастет по сравнению с тем уровнем, который бы был, если бы сохранялась политика однодетной семьи. По оценкам, это будет около 50 млн человек дополнительно в возрасте 15–59 лет в 2050 г. После введения новой политики в КНР, по оценкам, в 2050 г. 34% населения будет в возрасте 60 лет и старше, это почти на 3% меньше той величины, которая могла бы быть при проведении прежней политики.

Проведение новой политики окажет существенное влияние на изменение уровня рождаемости в КНР и многостороннее воздействие на развитие населения в Китае в будущем.

В рамках прежней политики модель китайской семьи — это поздний брак, позднее рождение одного ребенка, низкое желание заводить последующих детей, высокая стоимость деторождения и воспитания ребенка. Недостаточный уровень социального обслуживания влияет на принятие решения в новой ситуации. Он адаптирован к прежней семейной структуре, однодетной семье. Следовательно, необходимы комплексные и согласованные реформы в области стимулирования и социальной политики. Необходима оптимизация социального обслуживания, адаптация его к новым реалиям двухдетной семьи, рост капиталовложений в социальную сферу, прежде всего медобслуживание, улучшение условий и уровня жизни, развитие сети яслей и детских садов, инновации в методике домашнего воспитания и школьного образования. Все эти меры идут в русле построения общества «сяокан», которое предусматривает возможность вывести Китай на новый уровень развития.

А.В. Ломанов:

Политика реформ и открытости стимулировала споры китайских интеллектуалов о пути преобразований. Эволюция проблематики дискуссий ярко иллюстрирует смену этапов реформы.

В 1980-е годы Дэн Сяопин развернул борьбу против течения «буржуазной либерализации», заявив, что Китаю нужна модернизация, но не либерализация в духе за-

падного капитализма. В те времена заметная часть китайской интеллектуальной элиты была увлечена заимствованием и распространением западных воззрений и теорий. Идеиная атмосфера первого десятилетия реформ стала продолжением духа «Движения 4 мая 1919 года», опиравшегося на идеалы науки и демократии. Критика старого общества и традиционной культуры обрела новый подтекст, превратившись в инструмент осуждения эпохи Мао Цзэдуна. Апофеозом этой тенденции стал показ в 1988 г. шестисерийного документального фильма «Смерть реки» (*Хэ шан*), подчеркивавшего неспособность замкнутой «желтой» цивилизации реки Хуанхэ соперничать с «голубой» морской цивилизацией Запада.

Политические потрясения 1989 г. в Китае и в социалистических странах Восточной Европы подвели черту под «новым просветительством» 1980-х с его стремлением к сближению с западной цивилизацией. Консервативный поворот изменил вектор развития китайской общественной мысли. Интеллигенция перестала приравнивать реформу к западнизации, отношение к традиционной культуре с пренебрежительного сменилось на уважительное. Тема неизменности национальной специфики начала вытеснять трактовку западной цивилизации как всеобщей универсальной модели, способной служить конечной целью преобразований. В 1990-е между властью и образованной элитой сформировался «неоавторитарный консенсус» относительно сохранения централизованной однопартийной власти как инструмента экономического развития, способного обеспечить Китаю достойное место на мировой арене.

Ускоренные рыночные преобразования привели к увеличению имущественного неравенства, возник вопиющий разрыв между официальной идеологией строительства справедливого социалистического общества и проявлениями социальной несправедливости в реальной жизни. Выросла популярность «новых левых», упрекавших власть в использовании авторитарной модели модернизации в качестве прикрытия для осуществления неolibеральной экономической политики. Они предупреждали, что включение в мировую экономику на вторых ролях будет означать подчинение Китая интересам западных стран и транснациональных корпораций. На ранних этапах реформы, когда преобразования приносили блага подавляющему большинству членов общества, китайские интеллектуалы видели в глобализации только позитивные стороны. Однако неприятие социальных издержек рынка побудило их выступить с моральной, экономической и политической критикой глобализации.

Опубликованная в Интернете в декабре 2008 г. «Хартия 08» напомнила, что в китайском интеллектуальном пространстве по-прежнему существуют сторонники политической либерализации. Содержавшиеся в документе призывы к «признанию всеобщих ценностей», «вхождению в основное течение цивилизации» и «построению демократической политической системы» на деле воспроизводили рассуждения китайских западников образца 1980-х годов. Идея немедленного отказа от авторитарной модернизации и перехода к радикальному демонтажу однопартийной власти в наши дни оторвана от реальности еще сильнее, чем в первое десятилетие реформ. Ужесточение политики США толкает Китай на путь концентрации административных и экономических ресурсов для ведения затяжной «торговой войны», усиления централизации власти и возвращения к практике «опоры на собственные силы». Взятый Америкой курс на изоляционистскую защиту национальных интересов окончательно девальвирует либеральную риторику о приверженности Запада идеальным «всеобщим ценностям», которые будто бы должен перенять Китай.

В начале нынешнего десятилетия известный публицист Ма Личэн выделил восемь идейных течений современного Китая. В его трактовке «идеи Дэн Сяопина» нацелены на обоснование смелых экономических реформ без политических преобразований, они помогли подстегнуть экономический рост, но так и не решили проблему несправедливости в распределении доходов. Недовольство социальным расслоением позволило обрести второе дыхание «старым левым», опасаясь утраты завоеваний

социализма под натиском частного предпринимательства. Воспринявшие влияние западной мысли «новые левые» критикуют глобализацию и чрезмерное использование неolibеральных рецептов в ходе реформирования экономики КНР. Популистское течение прославляет высокие моральные качества бедноты и априори считает частный капитал несправедливо нажитым, альтернативу западной парламентской демократии оно видит в прямом участии народа в политике.

Либералы выступают в поддержку ценности индивида и его прав, они призывают поставить партийную власть в рамки конституции. Националисты набрали популярность на критике Запада и рассуждениях о будущем величии Китая, способного справиться с любыми трудностями даже в условиях изоляции. Новые конфуцианцы настроены на возрождение традиции ради того, чтобы сделать моральными не только простых людей, но представителей власти, что позволило бы укрепить ее легитимность. В качестве отдельного течения Ма Личэн выделил «демократический социализм», выступающий за эволюционный путь развития, сочетание защиты частной собственности с созданием в Китае системы социального обеспечения европейского образца в условиях конституционной демократии, многопартийности, всеобщих выборов, свободы СМИ.

Вскоре после прихода к власти Си Цзиньпина за пределами материкового Китая был опубликован «Документ № 9», выпущенный Канцелярией ЦК КПК в апреле 2013 г. В нем были обозначены семь идеологических вызовов, требующих первоочередного внимания. Это пропаганда западной конституционной демократии, всеобщих ценностей, гражданского общества, неolibерализма, западного взгляда на свободу СМИ, а также исторического нигилизма в отношении КПК и КНР. Еще одной проблемой стало выражение сомнений в правильности политики реформ и открытости с позиции их осуждения за несоответствие критериям социализма либо западным стандартам развитой рыночной экономики.

Китайские власти уделяют все больше внимания критике «исторического нигилизма», претендующего на «возвращение к истинному облику истории» путем разоблачения ошибок китайских революционеров и провалов в ходе социалистического строительства. Чаще стали появляться публикации, подчеркивающие несостоятельность пропаганды идеи «гражданского общества», опасность ее идеализации и мифологизации в отрыве от реальных потребностей развития Китая.

Си Цзиньпин заявил, что «социализм с китайской спецификой» должен соответствовать основным принципам научного социализма. Возможностей для вольных трактовок китайского социализма в либеральном или социал-демократическом ключе стало меньше. Внимание к изучению марксизма и наследия Мао Цзэдуна заметно возросло.

Тезис «два нельзя отрицать» зафиксировал направление трактовки соотношения эпохи реформ и дореформенного периода. Китайский лидер провозгласил, что между ними есть «внутренняя взаимосвязь», противопоставлять их друг другу недопустимо, тем более нельзя использовать один период для того, чтобы подвергнуть критике другой. Это означает, что «левым» не нужно осуждать реформы за отказ от наследия уравнительного социализма Мао Цзэдуна, а либералам не рекомендуется выпячивать ошибки и провалы 1950-х — 1970-х годов. Эпоха реформ превратилась в составную часть начавшегося еще в середине XIX века длительного пути к осуществлению «китайской мечты» о национальном возрождении.

Китай встречает юбилей реформ активными усилиями по обеспечению идейного сплочения партии и народа вокруг КПК. Однако это не отменяет факта растущего социального многообразия китайского общества, порождающего множественность интересов и, как следствие, разнообразие выражающих эти интересы общественных идей.

С.С. Цыплаков:

Роль и значение периода политики реформ и открытости в развитии Китая широки и многогранны. Сорок лет, даже по меркам многовековой китайской истории — срок отнюдь не такой уж маленький, а для собственно КНР — это большая часть ее исто-

рии. Основным содержанием данного периода, как видится, является видимый прогресс в процессе модернизации Китая.

Модернизация была и остается для Китая жизненно важной и приоритетной задачей на протяжении уже полутора веков со времени окончания второй Опиумной войны. Как хорошо известно, попытки осуществить ее предпринимались неоднократно — и в последние десятилетия Цинской династии (политика самоусиления, сто дней реформ, новая политика), и в правление Гоминьдана (нанкинское десятилетие), и после образования КНР (50-е годы XX века). Однако все они приносили только ограниченные результаты, и ставившиеся задачи, по большому счету, оставались невыполненными. При всех огромных различиях во внутренних и внешних условиях, в которых все эти попытки протекали, их общим историческим уроком является необходимость реформ, без которых проведение модернизации является неосуществимым делом.

Эту реальность в Китае осознали давно, еще после неудачи политики самоусиления, которая строилась на стремлении просто заимствовать из-за рубежа современное оборудование и некоторые внешние формы организации производства, что нашло свое выражение в ставшей классической формуле Чжан Чжидуна: «китайское как основа, иностранное для применения». Вместе с тем признание необходимости реформ отнюдь не снимало вопроса о направленности и степени глубины потребных для модернизации преобразований. Именно этот вопрос — как в прошлом, так и в настоящее время — продолжает оставаться основным пунктом острой политической борьбы.

В 50-е годы прошлого века руководство КПК, правда, не без некоторых колебаний, попыталось скопировать и практически полностью перенести в Китай так называемую советскую модель. Последняя по своим базовым параметрам во многом была созвучна китайским традиционным идеалам сильного централизованного государства, позволяла, выражаясь словами Мао Цзэдуна, «сочетать Маркса с Цинь Шихуаном», что помогло ей пустить на китайской почве довольно глубокие корни. Однако, как показал ход исторического развития, «советская модель» оказалась не в состоянии в полной мере обеспечить решение задач модернизации Китая и, будучи доведенной до абсурда в годы «большого скачка» и «политики трех красных знамен», принесла огромные бедствия китайскому народу.

После потрясений «культурной революции» и устранения ее наиболее одиозных приверженцев Китай вновь обратил свои взоры на осуществление модернизации. В этом пункте были согласны все, но в то же время вновь встал вопрос, какими методами и в каких формах ее проводить. По большому счету, речь шла либо о возврате с теми или иными корректировками к использовавшейся в 50-е годы «советской модели», либо об отказе от нее и поиске новых путей, отвечающих реалиям тогдашнего Китая. Это был принципиальный выбор, и он был сделан на 3-м Пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. Хотя Пленум и не выдвинул детализированной программы реформ (ее, по-видимому, в тот момент еще не было), но четко высказался в пользу «развития» в широком понимании, что подразумевало начало развода с «советской моделью». В этом, как видится, заключалось его историческое значение. Экономическое развитие, которое по сути равнозначно модернизации, вплоть до сегодняшнего дня является неизменным приоритетом политики Китая, а реформа и открытость выполняют функции важнейших механизмов для достижения поставленных целей. В этом пункте китайская реформа по самой своей базовой методологии кардинально отличалась от рыночных реформ в России в 90-е годы, где реформирование в определенном смысле осуществлялось почти исключительно ради разрушения сложившейся в СССР экономической системы практически без надлежащего учета целей развития.

Признание реформ и открытости как главных условий осуществления модернизации еще отнюдь не означало, что соотношение между реформами и открытостью, с одной стороны, и собственно экономическим развитием — с другой, было постоянным. Каждое десятилетие оно менялось.

В первое десятилетие процесс реформирования был особенно динамичным. Уже в первые несколько лет оформились его основные направления: внедрение подрядной системы в деревне, создание массовой базы для частного предпринимательства через систему волостных и поселковых предприятий, перенос реформы в города и начало поисков и экспериментов по сужению сферы директивного планирования, апробированию рыночных схем управления госпредприятиями. Быстро набирала обороты и внешняя открытость, начало которой было положено созданием специальных экономических зон, а затем открытием городов приморского пояса. Предполагалось, что третьим направлением реформы станет реформа политической системы. Некоторые преобразования в этом направлении были осуществлены, что выразилось, в первую очередь, в постепенном демонтаже системы пожизненного занятия должностей и введении принципа регулярной сменяемости руководства. Однако в целом политическая реформа так и не получила законченного развития.

Второе десятилетие политики реформ и открытости было не столь динамичным. После острого общественно-политического кризиса 1988–1989 гг. возникла вполне реальная угроза того, что реформаторский процесс будет свернут или даже обращен вспять. Тем не менее этого не случилось — не только благодаря личным заслугам Дэн Сяопина и его знаменитой поездке на Юг, но прежде всего в силу того, что к этому времени реформы и открытость принесли реальные и вполне осязаемые плоды. В 90-е годы было узаконено само понятие «социалистической рыночной экономики», начались преобразования государственных предприятий, услуг социальной сферы, заложены основы фондового рынка и банковской системы. В части внешней открытости быстрыми темпами шел процесс встраивания китайских предприятий в мировые производственные цепочки.

Основным событием, определившим содержание третьего десятилетия реформ, стало присоединение Китая к ВТО. Китай в максимально возможной для себя степени сумел извлечь выгоду от процесса глобализации. Масштабы китайской экономики значительно увеличились, страна превратилась в мастерскую мира, ориентированная на экспорт экономическая модель достигла зенита своего развития. Начались процессы выхода китайских предприятий за рубеж и интернационализации юаня. Китай вступил в полосу «мирного возвышения». На фоне всех этих успехов и высоких темпов экономического роста внимание к рыночным преобразованиям заметно снизилось.

Разразившийся в 2008 г. международный финансовый кризис обнажил уязвимость китайской экономики в силу ее чрезмерной зависимости от внешнего спроса. В условиях резкого падения объемов экспорта возникли вполне реальные риски утратить социально-экономическую стабильность. Купировать их удалось только путем повышения и без того высокой степени государственного вмешательства в экономику в форме использования большого пакета стимулирующих мер. Хотя эти меры в краткосрочном плане дали определенный положительный эффект, но они, как это видно сейчас, «стали еще одним витком экстенсивного развития», привели к дальнейшему обострению отраслевых диспропорций, увеличению объемов избыточных мощностей, надуванию пузыря на рынке недвижимости, положили начало процессу нарастания долговой нагрузки на корпоративный сектор и местные правительства.

Завершающееся четвертое десятилетие реформ и открытости можно, на мой взгляд, определить как десятилетие не сбывшихся в полной мере ожиданий нового этапа реформы. Уже сразу после преодоления наиболее острой фазы международного финансового кризиса в Китае заговорили о необходимости так называемой второй реформы, под которой понималась смена движущих сил развития: от экспорта и инвестиций к потреблению и инновациям. Приход к власти в конце 2012 г. пятого поколения китайского руководства во главе с Си Цзиньпином, как казалось, давал дополнительные основания рассчитывать на ускорение в проведении реформ. Масштабная программа, включающая больше трех сотен реформ, была обнародована на 3-м Пленуме ЦК

КПК 18-го созыва в ноябре 2013 г. Ее квинтэссенцией было революционное для Китая положение о «решающей роли рынка в распределении основных факторов производства». Сам Си Цзиньпин, который лично возглавил сначала руководящую группу ЦК КПК, а затем — Комиссию по углублению реформы, неоднократно говорил о настоятельной необходимости «разгрызть жилы и кости реформ».

Однако по прошествии пяти лет можно констатировать, что **реальный прогресс реформ по таким ключевым направлениям, как реформа государственных предприятий, реформа системы прописки (хукоу) и другим, оказался существенно ниже ожиданий**. В то же время явственно обозначилось стремление руководства решать многие острые экономические проблемы преимущественно административными методами. Это относится и к важнейшим составляющим провозглашенной Си политики реформирования экономики предложения в части избавления от избыточных мощностей, предотвращения спекуляций на рынке недвижимости, уменьшения долговой нагрузки на экономику, снижения системных финансовых рисков. Складывается впечатление, что китайское руководство, провозгласив лозунг «партия руководит всем», увлекшись выстраиванием системы «единого централизованного руководства», склонно к пересмотру заложенных Дэн Сяопином базовых подходов к реформе. В наиболее ярко выраженном виде это проявляется почти в полном отказе от экспериментов, явной недооценке инициативы снизу, чего не наблюдалось на прежних этапах реформы.

В то же время дальнейшее проведение модернизации по-прежнему остается главным приоритетом руководства страны. Состоявшийся год назад XIX съезд КПК еще выше поднял планку задач, поставив цель к середине нынешнего века вывести Китай в число «государств-лидеров по комплексной государственной мощи и международному влиянию». Достижение этой амбициозной цели вряд ли возможно без продолжения глубоких преобразований в различных областях экономики и общественной жизни.

Если же говорить о более близкой перспективе, то, как представляется, мощной побудительной причиной для нового этапа углубления реформ и открытости может стать наблюдаемое в настоящее время изменение внешних условий развития, которое выразилось в начале торговой войны с США, а в более широком плане — в их стремлении жестко сдерживать апгрейд китайской экономики и в первую очередь технологическое развитие Китая.

Вне зависимости от того, по какому сценарию пойдет дальнейший ход событий, уже сейчас с достаточно высокой долей вероятности можно предположить, что одним из ключевых вопросов в наступающем пятом десятилетии политики реформ и открытости будет поиск Китаем разумного и адекватного ответа на этот новый для себя вызов.

В.Я. Портяков:

Уважаемые коллеги, мы к какой-то мере уподобились даосским мудрецам, действуя по принципу «ба сян го хай, гэ сян шэнь тун» — «восемь небожителей переправляются через море, и каждый на свой манер». Впрочем, задачи «вести единомыслие» в России или хотя бы только в Институте Дальнего Востока относительно экономической реформы в Китае перед нами не стояло. Так что будем и далее изучать этот процесс во всем его многообразии. Спасибо всем.

-
1. Чжу Фуцян. Чжунго цзинци куайду фачжаньдэ чжиду иньхуань: [Скрытые институциональные просчеты в проекте быстрого экономического развития] // Шэжунь кэсюэ яньцзю. 2011. № 1. С. 35.
 2. Beck U., Grande E. Varieties of second modernity: the cosmopolitan turn in social and political theory and research // The British Journal of Sociology. 2010. Vol. 61. Issue 3. P. 426.
 3. Антонов Михаил. Иностраннные инвестиции — и зло, и благо // Литературная газета. 7–13 октября 2015 г.

4. В СРВ «обновление мышления» началось на 6-м пленуме ЦК КПВ в августе 1979 г. Это была первая попытка пересмотра экономической стратегии и тактики Вьетнама, открывшая путь к поиску и экспериментам, что, в свою очередь, создало предпосылки политики обновления и реформ.
5. Economic Reforms in Viet Nam and in China: A Comparative Study. Le Huu Tang and Liu Han Yue ed. Hanoi, The gioi Publishers, 2006. P. 285–286.
6. Communist Party of Vietnam: Documents of the 9th National Congress. Hanoi, CTQG Publ. House, 2001. P. 86–88.
7. Economic Reforms in Viet Nam and in China, op. cit. P. 309.
8. Жэньминь жибао. 24.03.2018; Жэньминь жибао хайвайбань. 01.05.2018.
9. Жэньминь жибао. 23, 24.03.2018.
10. The 5th All-China Congress of representatives of individual workers was held in Beijing. (in Chin.). URL: http://www.saic.gov.cn/xn/zyxn/201801/t20180113_271974.html (дата обращения: 14.02.2018).
11. Жэньминь жибао. 01, 17, 18.03.2017; Fourth session of the Standing Committee of the All-China Association of Industrialists and Merchants of the 11th Convocation (in Chin.). URL: http://www.acfic.org.cn/web/c_00300010002/d_33973.html (дата обращения: 12.06.2014); Report on the development of small and microenterprises in the PRC (in Chin.). URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/ziyw/xxb/201403/t20140333_143495.html (дата обращения: 31.03.2014).
12. Report on the development of small and microenterprises in the PRC of the State Industrial and Commercial Administration of Administration of the PRC). (in Chin.). URL: http://www.saic.gov.cn/ywdt/gsyw/zjyw/xxb/201403/t20140333_143495.html (дата обращения: 31.03.2014).
13. Там же.
14. Выступление Хань Чжанфу, министра сельского хозяйства и деревни Китая. Жэньминь ван. URL: <http://www.agri.cn/V20/SC/jjps/201809/t201809286255460.htm>.
15. Программа стратегии подъема деревни (2018–2022 гг. / ЦК КПК, Госсовет КНР. URL: http://www.gov.cn/2018-09-26/content_5325534.htm.
16. ГСУ КНР. 31.08.2018. URL: http://www.stats.gov.cn/ztjc/ztfx/ggkf40n/2018/08/t20180831_1620079.html.
17. «Земельные финансы» — земельная рента, которую получает государство (в лице местных властей) за счет разницы в возмещении за изъятую у крестьян землю и ценой этой земли, продаваемой (точнее, уступаемой возмездно) на земельном рынке; эта разница обеспечивает поступления от земельной ренты, т.е. от прироста добавленной стоимости земли, в размере: в 2014 г. 4,3 трлн юаней, в 2015 3,36 трлн, в 2017 г. 4,99 трлн юаней // Азия и Африка сегодня. 2016. № 11. С. 11; URL: <http://energy.people.com.cn/2018/0518/c71661-29999418.html/>
18. Вань Баожуй. Блестящий процесс и основной опыт реформы в деревне страны. Жэньминь жибао. 23.07.2018; URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0723/c40531-30162888.html>.
19. Китай. № 12. Декабрь 2015. С. 17.)